

Евгений Мисюрин

ЛОВУШКА ДЛЯ ПАПЫ

Варадеро не будет

Евгений Мисюрин
Ловушка для папы

«Мисюрин Евгений»

2019

Мисюрин Е. Б.

Ловушка для папы / Е. Б. Мисюрин — «Мисюрин Евгений»,
2019 — (Варадеро не будет)

Свершилось. На Багамские острова пришли три корабля Христофора Колумба. Только встретили их не наивные дикари, а подготовленная группа. И теперь союзу племён недолго осталось жить в изоляции, а значит, следует заявить о себе так, чтобы жадные до денег европейские монархи даже не пытались ограбить молодое, стремительно развивающееся государство. Продолжение романа «Варадеро не будет».

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	12
Глава 3	18
Глава 4	23
Глава 5	27
Глава 6	31
Глава 7	35
Глава 8	40
Глава 9	43
Конец ознакомительного фрагмента.	45

Евгений Мисюрин

Ловушка для папы

Глава 1

Молодая, динамично развивающаяся страна ищет деньги

Антон Моторин проснулся мгновенно, с резким вдохом, и понял – он знает! Именно сейчас, во сне, ему привиделся неизвестный инженер, который показал, как выполнить обмотку, чтобы не только свести потери в электродвигателе к минимуму, но и поднять его мощность. Мужчина в тонких очках и с коротко стриженной седой бородой долго рассказывал об индукционных токах, потом в сердцах хряпнул об землю мотор, которым занимался Антон, и тут же нарисовал новую схему обмотки.

Моторин младший поднялся в кровати и долго не мог отдышаться. В голове прочно засело ощущение гениальной идеи. Он мгновенно вывинтился из-под одеяла и, топоча босыми пятками по прохладному деревянному полу, помчался в лабораторию. Только перед запертой дверью молодой человек сообразил, что прибежал сюда в одних трусах, и, соответственно, ключ достать неоткуда. Пришлось возвращаться.

Двигатель отнял время до самого утра. Треугольник оказался непростой в намотке схемой, к тому же торчащие наружу петли портили вид от новенького мотора. Но Антон понимал, что это только модель, созданная для того, чтобы проверить работоспособность нового принципа. В серийных изделиях подобного, конечно же, не будет. Тем более, ротор вертелся как зверь, предсказывая повсеместный переход на новую обмотку. Моторин постоял ещё пару минут, вслушиваясь в ровное жужжание двигателя, и совсем уже собирался идти завтракать, как его отвлек внезапный трезвон электрического гонга. Простейшее устройство, маленький стальной диск на трёх пружинках в кольцевой раме, да электромагнит. Но его брэнчание означало телефонный вызов. Мастер глубоко вздохнул и перещёлкнул рычажок на аппарате в режим разговора. Тотчас же из встроенного динамика разнёсся возбуждённый голос:

– Алоха! Алоха, Тоха, это ты?

Судя по голосу, звонил Шурка Бизонов. Отличный парень из племени чероки, прирождённый механик. Когда-то, восемнадцать лет назад, он попал к Моториным на самой первой ярмарке, да так и остался. За прошедшие годы ровесники сдружились, хотя каждый пошёл своей дорогой – Саша занялся паровыми двигателями, конструировал подвески, трансмиссии, и вообще, всё, что создано катиться по дороге. Его, уроженца племени, не знавшего колеса, до глубины души поразили возможности колёсной техники.

Антон же с головой погрузился в электричество. И телефон он сконструировал сам, почти не подглядывая в справочники, и тем глубже была радость от того, что система заработала и от того, что она всё-таки отличалась от описанных в литературе из будущего. Правда, пока телефонная сеть требовала человеческих рук, но Антон всерьёз думал над автоматизацией.

– Привет, Шурка, – довольным голосом ответил он. – Ты чего ни свет, ни заря?

– Тоха, ты чего? – в свою очередь удивился далёкий собеседник. – Ты календарь потерял? Ну-ка скажи мне, какое сегодня число?

– Тридцатое сентября девяносто второго, – на автомате ответил Антон и тут же поправился. – А нет, уже первое. Я почти всю ночь в лаборатории проторчал.

– Во-от! – многозначительно протянул Шурка. – А чем знаменателен этот день?

– А ты откуда знаешь?

Мотор Антон намотал пару часов назад и не представлял, как информация об эффективности нового принципа обмотки могла дойти до Бизонова. И тем более, уж точно не Саня вывел бы день создания нового двигателя в раздел значимых праздников. Антон по отцовской привычке почесал затылок.

– Я же его вот только что намотал, никому ещё не показывал. Откуда ты знаешь, что у меня получился прорыв?

– У тебя тоже удачно получилось? – счастливым голосом прокричал Шурка. – Тогда поздравляю. Но вот того, что ты забыл, что твой друг обещал сегодня пустить первый рейсовый паровоз, этого я тебе, Моторин, никогда не прощу.

– Простишь, – со смехом парировал Моторин. – Поставишь на свои новые машины мои новые моторы и не только простишь, а ещё и благодарить будешь.

– Что, такие хорошие?

– Пока точно не могу сказать, но по прикидкам на модели коэффициент полтора, а то и два.

– Всё, уговорил, беру все. – засмеялся Бизонов. – Но на открытие всё равно жду.

Станция Таллахасси привлекала блеском и новизной. Антон и сам прилагал немалые усилия к созданию железнодорожного оборудования, поэтому не успевшие потемнеть деревянные строения, каменная водонапорная башня, да и сам новенький рельсовый путь вызывали у него заслуженную гордость. Но сейчас площадь перед посадочным перроном напоминала птичий базар. Куда ни кинь взгляд, повсюду колыхались многочисленные цветные перья на разномастных головных уборах. Кажется, столько традиционных украшений молодой человек не видел за всю жизнь.

Сходства с птицами добавлял ещё и равномерный гул голосов, в который время от времени вплетались либо куплеты разудалых песен на разных языках, либо речёвки и частушки. Кстати, первый поезд Антон разглядел не сразу. Сначала он ориентировался на дым, но, когда ветерок отнёс в сторону сизое облако, понял свою ошибку. В том месте, куда он смотрел, находилась почётная трибуна, кресла на которой занимали члены Совета племён юго-востока, организации в большей мере декоративной, чем что-то на самом деле решающей. Старики, утыканные перьями настолько густо, будто старались превзойти остальную толпу на площади, как один курили длинные керамические трубки. Они-то и выпускали густое сизое облако, которое Моторин сначала принял за пар из локомотива.

Сам паровоз вёл себя гораздо скромнее. Разогретая машина почти не дымила, а ритмичный, шелестящий шум турбины на холостом ходу, казалось, сдерживался, чтобы не перекрикивать толпу. Антон пробрался поближе к составу и с удовольствием осмотрел локомотив. Цельком он его раньше не видел, только раму с тремя тяговыми осями, да саму паровую турбину. Именно его команда занималась проектированием и сборкой силовой части, а всё остальное артель Шурки Бизонова делала сама. Моторин ласково провёл ладонью по гладкой лакированной дощатой стенке кабины, на всякий случай кинул хозяйский взгляд на буксы – в порядке ли колёса? Полюбовался на мощный угольный прожектор, установленный над паровым котлом, и совсем уже собрался влезть внутрь, на место машиниста, чтобы проверить показания приборов, когда кто-то грубо дёрнул его за плечо.

– А-ну отой... Тоха!!!

И тут же звонкий шлепок по второму плечу. Перед Моториным от уха до уха расплывалось счастливой улыбкой лицо Саши Бизонова.

– А я тебе звоню, никто не включается. А ты уже здесь.

За каких-то две минуты выяснилось, что Антон опоздал на самую церемонию и пришёл буквально за пару минут до торжественного отправления первого поезда, поэтому на предложение прокатиться он только махнул рукой.

– Что я, на поезде не ездил? Вот до Аппалачей дотянете, тогда да. А лучше до Калифорнии. Павел Степанович говорит, нам скоро золото понадобится.

– У-у, Калифорния, – по-паровозному прогудел в ответ Шурка. – Когда мы ещё туда ветку дотянем.

И, глядя в глаза Антохе переспросил:

– Так не поедешь?

– Не-а! – мотнул головой тот и улыбнулся. – Удачи тебе. Я домой. Мотор твой до ума доводить.

Пока добрался до своей улицы, почти стемнело, поэтому не заметил лишнюю тень на углу соседнего дома. Только почувствовал движение и среагировал больше на инстинктах, чем осознанно. Сам не понял, как угадал рывок нападавшего, но успел отклониться назад и резко схватить чужака за кисти, ловким вывертом зажав левое плечо правым локтем за спиной. После чего уже вполне осознанно ухватил вредителя за палец и провёл болевой.

Напавший оказался почти на голову ниже, худой, но состоящий будто из одних перекрученных жил. Он сморщился от боли, но упрямо сжимал губы. Антон рывком развернул противника лицом к себе, ловко перехватив палец другой рукой, и внимательно осмотрел характерный разрез глаз, высокие скулы, мощный нос с большими, раздутыми от боли, ноздрями, тонкие губы...

– Апач? – скорее утвердительно, чем вопросительно произнёс он. – Ну и кто ты такой?

Нападавшему на вид было не больше пятнадцати. Что-то в его лице показалось Антону знакомым, но где он видел этого молодого человека, вспомнить так и не получалось. На вид типичный воин племени неприсоединившихся. Одет только в национальные кожаные штаны с короткой бахромой вдоль боков, босой, тело и лицо перечёркнуты чёрными полосами, визуально смазывающими силуэт. Мальчишка на секунду зашипел от боли, но тут же сжал губы и зажмурился.

– Не молчи, хуже будет, – почти вежливо предупредил Моторин младший и потянул палец на себя.

Противник не выдержал. Пару секунд вечернюю тишину разрывал истошный крик, наконец, Антон ослабил давление.

– Ну? – грозным голосом напомнил он.

– Я, – ай! – мальчишка неловко дёрнулся, чем доставил себе дополнительные страдания. – Меня зовут Одинокая Сосна, я четвёртый сын Неспешной Совы.

– Точно! – наконец вспомнил Моторин. – Я видел тебя, когда приезжал в земли твоего отца. Тоже за мной припёрся?

Стоило отпустить палец, как гримаса боли на лице подростка тут же сменилась на ненависть. Он максимально отстранился от захватившего его Моторина, стараясь, правда, избегать боли.

– Мне не нужна твоя жизнь, – с пафосом ответил апач. – Я борюсь с несправедливостью.

– Борец, значит, – протянул Антон. – Ну, пойдём.

В прихожей юный революционер волчонком забился в угол и только молча зыркал вокруг из-под бровей. Хозяин успел переодеться, вымыть руки, а непрошенный гость так и не сдвинулся с места. Моторин пару раз бросил взгляд на прижавшегося к стене мальчишку, пока ходил по дому, наконец, встал перед ним, покачиваясь с носка на пятку.

– Идём ужинать. Небось голодный. Давно меня караулил-то?

Ответа он, понятное дело, не дождался. Ну и сам виноват, подумал хозяин. Достал из ледника блюдо холодного печёного крокодильего хвоста, горшочек с острой маринованной молодой кукурузой, пяток томатов, которые отец упрямо называл помидорами, пряные лепёшки, и поставил на плиту чайник. Некоторое время стояла тишина, слышно было лишь как булькает

вода в гидролизаторе, да вторит ей перегретый пар в ванадиевой трубке. Через пару минут к их дуэту сначала неуверенно, но потом всё громче, присоединился чайник.

Какое-то время молодые люди молчали, лишь бросали друг на друга короткие взгляды. Наконец, юный апач не выдержал, шумно сопя, он поднялся, сбросил с ног мокасины, звонко шлёпнув каждым об пол, и стуча босыми пятками, прошёл к столу. Сел Одинокая Сосна как можно дальше от хозяина и пару минут даже терпел, старательно отводя взгляд от стоящей перед ним еды. Лишь непроизвольно сглатывал время от времени.

Антон не стал мучить голодного гостя, отрезал кусок мяса, бросил рядом на тарелку сколько попало в ложку малюсеньких початков, томатиков добавил, и придвинул к мальчику.

– Угощайся.

– А себе? – недоверчиво спросил тот.

– Уж за это не волнуйся, – Моторин ответил широкой искренней улыбкой. – Съем не меньше тебя. Голодный как стадо крокодилов.

Некоторое время за столом слышался только звон приборов, перемежаемый смачным чавканьем с того места, где сидел апач. Наконец, молодой человек отвалился от тарелки, отодвинувшись на широкой лавке, посмотрел на хозяина малость осоловелыми глазами, и шумно рыгнул. Будто отвечая ему, тоненько запел свисток чайника. Подросток резко обернулся, но с лавки не вскочил. Антон сноровисто разлил заваренный кипрей со смородиновым листом, добавил в каждую чашку по ложечке мёда, и поставил перед гостем его порцию. Одинокая Сосна поднял керамическую кружку за ручку, повертел перед собой, разглядывая вырезанный на боку стремительный силуэт паровоза, шумно отхлебнул, и со стуком припечатал тару об стол.

– Это всё неправильно, – уверенно заявил он.

Моторин с интересом глянул на гостя поверх края своей кружки, белой, с нарисованным суриком оленем, сделал аккуратный глоток, и спросил:

– Что?

– Вот это, – размашисто повёл рукой гость. – То, как ты живёшь. Вы отделились, будто и не люди больше, а боги какие-нибудь. Живёте в каменных домах, ходите по ровным улицам. Вода вон у тебя прямо в доме. А ещё я сегодня видел много таких странных тележек с двумя колёсами, на них ещё ездили.

– Велосипеды, – подсказал Моторин.

– Как? – апач поднял брови. – А, неважно. Важно другое.

– Угу, – Антон отхлебнул снова, и юноша, глядя на него, тоже сделал глоток. – Важно, что у нас это есть, а у вас нет, правильно?

Мальчишка вновь замкнулся, сжался в комочек, но кружку из кулака не выпустил. С минуту он опять зыркал на хозяина дома злым взглядом. Наконец сделал глоток чая, стараясь выглядеть при этом естественно, и боднул в сторону Моторина острым подбородком.

– Ты сам построил свой дом?

– Нет, конечно, – замотал головой тот. – Я за него тысячу рублей отдал.

– Тысячу-у, – протянул гость. – Это много. Очень много.

Он некоторое время молчал, и у Антона сложилось ощущение, что юноша пытается осознать это число. Наконец апач поднял горящие классовой ненавистью глаза и обвиняюще спросил:

– Почему у тебя есть тысяча рублей, а у меня нет? Чем я хуже?! Почему ты живёшь в большом удобном доме, и даже свет у тебя вон, – он дёрнул носом в сторону висевшей над столом угольной лампы накаливания, – одним щелчком включается. А я? Мне приходится зажигать костёр. А перед этим дрова надо собрать, нарубить... Ты, небось, и не знаешь, что это. У тебя даже печка сама по себе горит.

Мальчишка обиженно шмыгнул носом, задиристо вытер его рукавом, вновь зло глянул на хозяина, и скрестил руки на груди.

Антон последовал взглядом за гостем и непроизвольно улыбнулся. Старая уже лампочка. Да и светит тускло, ватт двадцать, не больше. А что с неё взять, если между электродами обычный угольный брусочек в углекислом газе? Сейчас вон, освоили уже производство ванадиевых, на полсотни ватт. Вроде бы, можно было и сменить, но эту сам смастерил, да и работает пока. Опять же, ванадий – металл дефицитный. И на легирование его, и на паропроводные трубки в каждой печке. На лампы даже немного жалко. Жалко... Мальчишку тоже жалко. Он ведь всерьёз считает, что в Совете племён хорошо живут за счёт них. Ну, или по меньшей мере, не дают остальным племенам развиваться. Что же он с отцом-то не поговорил?

Тоха снова бросил взгляд на гостя. Подросток угрюмо смотрел перед собой, то и дело таская виноградины из тарелки. Моторин улыбнулся. Совсем малыш ещё. Ему бы учиться...

– Скажи, Одинокая Сосна, почему ты напал на меня?

– Не на тебя, – вскинулся незваный гость, но тут же поправился. – Я не хотел. Я пришёл за жизнью Разрушителя, Павла Моторина. Но вместо него встретил тебя и не сразу разобрался.

– А Паша-то тебе чем не угодил?

– Как это? Ведь именно из-за него в племенах не осталось молодёжи, все ушли в ваш союз и сгинули без следа. У меня самого пропали оба брата. А теперь ты убьёшь и меня.

Антон загадочно улыбнулся, вышел в комнату, но уже через минуту вернулся со скрученным матрасом подмышкой. Аккуратно развернул его возле стенки. В рулоне оказались также подушка и одеяло.

– Ложись спать, террорист, – со смехом предложил он. – А завтра пойдём, проведем твоих братьев.

– Они живы?! – Одинокая Сосна, казалось, подскочил под самый потолок.

– Всё. – Махнул рукой Моторин. – Всё увидишь завтра. Ложись, давай. Устал, небось.

Тоха проследил, как подросток неуверенно закутался в одеяло, выключил на кухне свет и вышел в прихожую. Через минуту он уже щёлкнул тумблером телефона в лаборатории.

– Служба связи Таллахасси, – дежурно-жизнерадостным тоном ответила телефонная барышня.

– Один, четыре, девять, пожалуйста.

Видимо, он попал на опытного оператора, потому что стоило назвать номер, как раздались щелчки. У далёкого абонента заработал гонг. И тут же смолк.

– Спящая Сова.

– Это Антон Моторин. У меня тут на кухне отдыхает некто, известный вам под именем Одинокая Сосна.

– Вот блин, – выругался собеседник. – И он не усидел. Скоро брату некому будет передать племя. Ладно, веди его завтра ко мне, я разберусь.

– Спасибо. И ещё, – Антон замялся.

– Что?! – в голосе собеседника сквозило нетерпение.

– Вы не могли бы попросить вашего брата, чтобы он немного подстегнул своих контрабандистов. Мы просто зашиваемся без магния.

– Ну, Антон! Я же не Неспешная Сова. Да и вообще. Нельзя просить о подобном брата вождя неприсоединившегося племени, – Спящая Сова коротко хохотнул. – Но я тебя услышал. Кстати, а что тебе сказал Одинокая Сосна?

– Что приехал убить Моторина старшего.

– И он туда же. Кстати, передай привет Павлу Степановичу.

– Не могу. Они с Маратом сейчас на Гуанакхани. Приедут, передам.

Восточный берег острова Гуанакхани был спокойным и песчаным. Мечта отпускника. Для полноты картины не хватало только шезлонгов и фотографа с обезьянкой. Но так оно

даже к лучшему. Ничто не нарушало девственную красоту этого тропического рая. Длинные тени прибрежных деревьев, повинаясь заходящему солнцу, вытягивались всё дальше от берега. Бриз стихал и у воды воцарилась блаженная тишина, нарушаемая лишь редкими всплесками играющих рыб, да осторожными, несмелыми, выкриками лесных птиц. До темноты оставалось немного, и дневные обитатели джунглей собирались ко сну. На линии прибоя задумчиво стоял мужчина лет сорока, со скуластым, обветренным лицом и задумчиво смотрел вдаль. На губах его блуждала довольная улыбка. Время от времени он поднимал к глазам длинную, по виду мощную, подзорную трубу и обшаривал взглядом горизонт. В такие минуты становилось понятно, что он чего-то ждёт. Не увидев того, что нужно, он опускал оптику и вновь с улыбкой осматривал море.

– Паша! – раздался крик слева, из-за подходящих к самой воде ветвей. – Иди сюда. Заряжено!

– Иду, иду, – буркнул мужчина скорее себе, чем невидимому собеседнику, и, взбивая сапогами пенные буруны зашагал прямо по мелководу, рискуя замочить штаны и набрать полную обувь.

За деревьями открылся уходящий далеко в море серый бетонный пирс, чуждый и неуместный в этом девственном уголке. Возле него покачивалось на лёгких волнах совершенно невероятное на этом диком острове сигарообразное судно с едва выступающей над общим силуэтом рубкой. Люк её был открыт и оттуда выглядывал, сияя белозубой улыбкой, черноволосый молодой человек. Он радостно махнул, увидев плюхающего по дну мужчину. Тот кивнул в ответ, запрыгнул на пирс прямо из воды, и широко зашагал, хлюпая мокрыми сапогами по бетону.

– А с углекислым газом, Паша, мы что-то перемудрили. Опасаюсь я метан в печке жечь. Уж больно он, знаешь ли, взрываться любит. Как грохнет он у нас на глубине, так и всплывём все кверху брюхом, – затараторил молодой человек. – Может, просто выпускать углекислоту в воду и пусть себе булькает?

– Не балаболёшь, Марат, – ответил мужчина. – Мы с тобой для того её и сконструировали, чтобы выяснить, как лучше. Попробуем, разберёмся.

– Павел Степанович, Павел Степанович, – раздался крик со стороны берега.

Собеседники синхронно обернулись и увидели бегущего к ним очень смуглого босоногого мужчину в традиционной плетёной юбке, но в обычной рубашке и кепке с длинным козырьком. Одежда их ничуть не удивила. На острове царил жаркий и влажный климат, поэтому принятые повсеместно на континенте штаны в племени араваков не особо прижились. Наконец, спешащий приблизился, сделал пару глубоких вдохов, восстанавливая дыхание, и доложил:

– Наблюдатель видит три вымпелы. – Он снял кепку и торопливо вытер вспотевший лоб платком. – И он... Странные они.

По сильному акценту было заметно, что говорящий не привык к русскому языку. Скорее всего, как на материке выучил, так больше использовать не приходилось, пока кораблестроители не приехали.

– Спасибо, Таикхари, – кивнул в ответ Моторин старший. Он широко махнул рукой куда-то в сторону и крикнул: – Даша, зажигай!

Невысокая девушка лет двадцати пяти в коротких, до колен, коричневых штанишках и лёгкой рубашке без рукавов стрелой взлетела по бамбуковой лестнице на деревянную площадку в паре метров над песком, ловко примотала провод к клемме аккумулятора и прислушалась. В стеклянной ёмкости под столом что-то зашипело, сначала тихо и несмело, но потом всё увереннее. Через несколько секунд в гидрозатворе на столе появился первый пузырь. Минута, и газ пошёл непрерывным потоком.

Девушка поправила горелку и тронула пальцем лежащий в чаше кусок мела. Всё было давно проверено и настроено, но как же не удостовериться лишний раз? Наконец, убедившись, что всё идёт как надо, девушка чиркнула колёсиком зажигалки и поднесла жёлтое пламя к соплу. Раздался хлопок, над металлической трубкой взвился голубой огонёк, направленный прямо на кусок мела. Через некоторое время мел раскраснелся, затем раскалился, становясь всё светлее, светлее, и вдруг ударил по глазам ярким белым светом. Даша улыбнулась и ловко спрыгнула на песок.

Глава 2

Гостей нужно встречать правильно

Форштевень лениво делил надвое пологие океанские волны, «Санта-Мария» с характерным скрипом рангоутов двигалась почти точно на запад, а человек, облокотившийся локтем на фальшборт, делал вид, что рассматривает горизонт. На самом деле он просто никого не хотел видеть. Ему было стыдно. Настолько, что обычно бледное, покрытое веснушками лицо могло соперничать цветом с рыжими, обильно посыпанными сединой волосами и такой же бородой. Это надо же, выпросил у королевы титул. Адмирал моря-океана. Клоун, а не дворянин. Адмирал должен иметь флот, а он? С огромным трудом собрал эти три корабля, и то, если бы не братья Пинсоны, ничего бы не получилось. А может, оно и к лучшему было бы. Вон, теперь эти кредиторы готовы сами его до косточек обглодать. Больше месяца не видеть земли, это же кто угодно озверееет, а не только его беспутная, набранная с бору по сосенке, команда. Ведь до сего утра они готовы были даже на бунт. Собирались повернуть обратно, невзирая на протухшую воду и зачервивевшую солонину. Как вовремя подвернулся им этот пальмовый лист! Воистину, если бы его не было, стоило бы его придумать. А тут... Вмиг пропали бунтарские настроения, а когда он пообещал десять тысяч золотых тому, кто первым увидит землю, команда воспылала энтузиазмом. Эх, пообещать-то пообещал, да вот только где их взять. У самого адмирала ничего кроме долгов да липового дворянства, так что остаётся лишь уповать на обещанные Марко Поло золотые горы.

Внезапно, адмирал понял, что уже пару минут рассматривает неестественный белый свет, бьющий почти точно оттуда, куда только что село солнце. Такого огня он не видел никогда, будто кто-то остановил молнию и сделал из неё светильник.

– Рулевой! Держи на свет! – крикнул он по-испански.

И тотчас, будто ожидая только его, ответил многоголосый рёв на Санта-Марии, через мгновение к ликующим подключилась команда Пинты, а вскоре издалека донёсся радостный крик матросов с Ниньи. Видимо, свет разглядели все, и каждый теперь уже считал, куда он потратит полученные от адмирала десять тысяч.

Вскоре в полутьме глубокого вечера закрыли горизонт чёрные силуэты невысоких гор, волны стали круче и обзавелись на макушках затейливыми пенными причёсками. Лот показал двадцать сажень, и адмирал отдал приказ бросить якоря.

– Но... Ведь там земля, дон Кристо?! – рулевой смотрел огромными просящими глазами.

– Именно поэтому, – непоколебимо ответил адмирал. – Люции у нас нет, вокруг темень. Ты хочешь посадить все корабли на прибрежные скалы? Или уверен, что перед берегом нет рифа? Утром подойдём.

Огонь на берегу давно потух, будто знал, что выполнил свою задачу, показал верную дорогу. Теперь тёмно-синее небо закрывал лишь силуэт берега. Адмирал тщетно старался разглядеть хоть какие-то подробности в наступившей ночи.

Внезапно впереди по правому борту раздался непонятный гул и быстрые громкие хлопки, будто целый цыганский табор раскрутил над головами свои длинные шумные бичи. Вновь мелькнул тот же мертвенно-белый свет, походя мазнул по просоленным деревянным бортам, ударил по глазам...

От берега явно отвалило небольшое судно. Шлюпка или ял. Шла быстро, узлов десять, не иначе четыре пары гребцов. Но вот почему движение сопровождалось таким гулом, непонятно. Наконец, всё стихло, прямо перед носом корабля загорелся яркий, как сотня свечей, светильник, и адмирал разглядел, что никакая это не шлюпка. Совершенно непонятный плот, сделанный, кажется, из железа. Неясно, почему он не тонет... Чуть выше человеческого роста

над плотом горит ослепительная белая точка, и в этом свете отчётливо видны всего двое человек, уверенно стоящих на своей железной палубе. Один из них приложил к губам рупор и над морской гладью зазвучала несколько неестественная английская речь:

– Я вижу перед собой графа Питера Мак Дугласа, более известного в Кастилии как Крестоносный Голубь? – бесцеремонно спросил незнакомец.

Адмирал дёрнулся. Никто во всём королевстве не знал этого имени, кроме самой королевы, уж об этом он позаботился. Если до англичан дойдут известия, что кто-то из потомков шотландского адмирала ещё жив, у Беатрис и маленького Фернандо будут серьёзные неприятности. Он приложил ладонь к губам и крикнул по-испански:

– Меня зовут Христофор Колумб, адмирал моря-океана их величеств Фердинанда Арагонского и Изабеллы Кастильской. С кем имею честь разговаривать?

Судя по всему, для неведомого собеседника испанский язык тоже не составлял проблемы, потому что почти тотчас в ответ раздалось:

– Синьор Коломбо, я приглашаю вас ко мне на судно, где мы сможем поговорить и обсудить сложившуюся ситуацию.

Половина слов прозвучала с неведомым акцентом, так что понять их можно было лишь по контексту, речь текла медленно, чётко. Сразу видно, что практики в языке у говорящего не было. Адмирал собирался продолжить диалог, выпросить у неведомого собеседника лоцию до берега, или хотя бы разобраться, кто он такой, и что делает в землях, о которых неведомо никому в Европе. Однако, все планы нарушил Мартин Алонсо Пинсон.

– Да что вы слушаете этого голоногого дикаря, адмирал?! – Крикнул он в медный рупор.

Тотчас со стороны Пинты послышался характерный стук открывающихся оружейных портиков, а следом, почти сразу же, одновременный залп всех четырёх кулеврин правого борта. Колумб спешно открыл рот, чтобы не повредить уши от грохота.

Три ядра, пролетев почти предельную для выстрела дистанцию, плюхнулись в волны шагов за пять-десять от железного плотика, а вот четвёртое попало точно в цель. В передний левый угол прямоугольного плота, чуть выше непонятной кожаной юбки, пришитой над ватерлинией. Раздался колокольный звон, плавно меняющий тональность из-за проходящих волн, и адмирал уже почти видел, как продырявленный насквозь несерьёзный плот с бульканьем погружается в чёрную ночную воду, но нет. Как оказалось, ядро не причинило вреда никому, кроме самой Пинты.

Сразу после выстрела в пяти шагах левее плотика из-под воды поднялась огромная, чёрная спина неведомого морского зверя. Над ней тут же взмыл по-рачьи торчащий наружу блестящий глаз, покрутился, нашёл Пинту... Перед мордой зверя буруном встала пена, а меньше, чем через минуту, ниже ватерлинии каравеллы глухо грохнуло и до самых парусов взвился фонтан. Корабль медленно, будто нехотя, дрогнул и отбросил назад всю кормовую часть, как ящерица оставляет хвост в зубах схватившего её хищника.

Раздались испуганные крики команды, Пинта, медленно поворачиваясь вокруг якорного каната, уходила под воду. То тут, то там всплывали буруны, чаще всего сопровождаемые личными вещами команды или обломками такелажа. Люди с воплями ужаса выпрыгивали прочь с обоих бортов...

– Шлюпки на воду! – опомнившись, командовал Колумб. – Надо подобрать.

Его слова будто вывели всех из ступора. Матросы загомонили, через несколько минут на волнах покачивались уже обе спасательные шлюпки. Следом то же самое проделали на Нинье.

– И всё равно прошу вас, синьор Коломбо, присоединиться ко мне для необходимого разговора, – заглушая гомон и общий шум, раздался голос с плотика. – Я сейчас подойду вплотную к борту, и вы сможете спуститься по штормтрапу.

Адмирал испуганно оглядел акваторию. Спина чудовищного зверя больше не мелькала. Что же это за дрессированный монстр, с внутренней дрожью подумал Колумб. Со стороны

плота вновь раздался гул и «цыганские» хлопки, и с обеих сторон железной конструкции вдруг бешено завертелись непонятные устройства. Плот резко приподнялся, впрочем, не отрывая юбки от воды, и неспешно, не обращая внимания на мелкое волнение, двинулся к Санта-Марии.

Адмирал перекрестился, достал из-под рубашки старенький костяной крестик на кожаном шнурке, с чувством его поцеловал, затем проверил шпагу на боку, и перекинул правую ногу через фальшборт. Непонятные ночные собеседники уже стояли, держась за леер, которым спускали шлюпки, и внимательно смотрели вверх.

Металл палубы плотика выглядел тонким, гулко стучал под кожаными каблуками сапог, и Колумб ступал осторожно, боясь пробить его рифлёную конструкцию. Он мельком глянул на ноги незнакомцев. Оба были обуты в лёгкие сандалии на мягкой подошве из незнакомого материала.

Только подойдя ближе, удалось разглядеть лицо так необычно пригласившего. Чёрные волосы до плеч, чуть тронутые на висках сединой, синие глаза, очень необычно выглядящие в неестественном белом свете, бритые впалые щёки. Его спутник был под стать, только лет на десять-пятнадцать моложе.

Хозяин плота ловко достал из неприметного ящика на корме три раскладных стула, привычно привёл их в рабочий вид и воткнул в еле заметные углубления в палубе. Адмирал видел подобную мебель ещё в молодости, в Генуе. На подобных стульчиках любили сидеть возле дверей старики. Только у тех ножки были из дерева, здесь же, похоже, кроме металла ничего не признавали. Вон, молчаливый спутник хозяина, ловко тряхнув руками, мгновенно разложил такой же складной столик. Без задержки на нём появилась бутылка вина, три – подумать только – стеклянных, играющих гранями в ярком белом свете, бокала на длинных ножках и керамическая ваза с неизвестными фруктами.

Хозяин довольно потёр руки, улыбнулся, привычно плюхнулся на стул и приглашающе указал на Колумба.

– Прошу вас, адмирал, присаживайтесь.

Он ловко выбил из бутылки пробку, разлил напиток и первым поднял бокал.

– С прибытием вас, дон Христофор Коломбо.

Вино было лёгким, немного терпким, но с отличным вкусом. Адмирал, как ни старался, не мог угадать сорт. Что-то неуловимо чужое слышалось в этом сухом, бодрящем вине. Хозяин, кажется, заметил его тщетные попытки и вновь улыбнулся.

– Это джаботикаба, наш местный эндемик. Замечательный фрукт, да и вино из него, как видите, неплохое. Но я ещё не представился. Неприятно получается, я вас знаю, а вы, адмирал, даже не догадываетесь, с кем говорите. Итак... – мужчина поднялся и наклонил голову, из-за чего волосы почти закрыли лицо. – Меня зовут Павел Степанович Моторин. Можете обращаться просто по имени, Павел.

– Кто вы? – наконец заговорил гость. – И что за чудовищный зверь атаковал Пинту?

– Зверь? – Павел усмехнулся. – Это не зверь. Это субмарина.

– Суб-марина, – повторил непривычное слово Колумб.

– Совершенно верно. Корабль для плавания под водой. Небольшой корабль, как раз для охраны наших водных границ.

– Но... – адмирал вскочил, запутавшись в накопившихся вопросах. Он беззвучно несколько раз открыл рот, затем махнул рукой и сел на место.

– А Алонсо сам виноват, – развёл руками Павел. – Не надо было нас обстреливать. Но вы не волнуйтесь. Море сейчас тихое, шлюпки ваши подошли вовремя, а если кому-то из команды понадобится медицинская помощь, поверьте, всё будет сделано в лучшем виде.

Испанский дон Моторина с каждой фразой звучал всё лучше, заметно было, что он вспоминает давно забытый опыт общения на этом языке. Однако, часть слов, хоть и были понятны,

например, выражение «медицинская помощь», никогда ранее не употреблялись в таком контексте. Во всяком случае, адмирал за всё время своего пребывания не слышал ничего подобного. Он сделал ещё один глоток. Да, это вино стоило того, чтобы его пить. Оно не кружило голову, однако прибавляло сил, позволяло прогнать усталость. Отличный напиток. Теперь бы ещё узнать, откуда этот странный дон Паоло знает и о его прибытии, и его настоящее имя, и даже имя капитана Пинты. Если только...

– Вы прибыли сюда с Азорских островов! – высказал он свою догадку.

– Нет, друг мой. И даже не из Палоса. Прошу вас, не стоит мучить себя вопросами, на которые не будет ответа.

– Тогда... – адмирал начал злиться. – Тогда чего ради вы зазвали меня на эту жестянку?

– Выпить вина, – дон Паоло радостно развёл руки в стороны. – Поесть свежих фруктов. Месяц не видеть зелени, это, знаете ли, очень бьёт по организму.

– Прошу вас, дон Паоло, не беспокоиться о моём здоровье. Как только встанет солнце, мы сойдём на берег и там уже вволю поедим фруктов и напьемся свежей воды.

– А вот тут вы не угадали, адмирал, – покачал головой хозяин. – На берег вы, увы, не сойдёте. Во всяком случае, не здесь. Прошу вас успокоиться, – остановил он поднявшегося было адмирала. – Выпейте ещё вина, а я пока поведаю вам о сложившейся ситуации.

Колумб был вынужден подчиниться, и не пожалел об этом. За пару бокалов необычный хозяин здешних мест поведал ему, что остров, к которому их пригласили непривычным белым огнём, это не Чипангу, описанный Марко Поло, и даже не побережье Китая.

– Увы, адмирал, – печально повёл руками дон Паоло, – этим путём не достичь Индии. Потому что между Европой и Азией лежит ещё одна земля. Наша земля. Где я и имею честь вас принимать.

Некоторое время Колумб не мог произнести ни слова. Он так и сидел, не донеся до губ бокал с вином. Как же так, крутилось в его голове. Неужели и Марко Поло, и Птолемей были неправы? А расчёты? Выходит, даже Тосканелли ошибался?

Видимо, всё это читалось на его лице, потому что собеседник печально улыбнулся и пару раз кивнул в ответ на незаданный вопрос.

– Да, адмирал. И Тосканелли был неправ в своих расчётах, и даже Мартин Бехайм, представивший два месяца назад в Нюрнберге своё «Земное яблоко», знать не знали, что на запад от Европы лежит ещё один материк. Поздравляю, вы первый европеец, добравшийся до Америки.

– Подождите, – неуверенно пробормотал Колумб. – Значит, те разговоры о Винланде...

– В Исландии? Вполне верю. Викинги были на редкость отчаянные парни, так что вполне могли сотни лет назад добраться до нас северным путём через Гренландию. Я даже уверен в этом.

– Америка... – задумчиво проговорил адмирал. – Надо же... Новый, неизвестный материк.

Из темноты чуть слышно плеснули вёсла и раздался громовой голос Мартина Алонсо Пинсона:

– Да что ты слушаешь этих дикарей, Кристо! Руби им головы и давай уже займём земли, дарованные нам их величествами.

Капитан Пинты резво перепрыгнул через борт на железную палубу, гулко топнув каблуками. В руке он держал пистолет. В ночной тишине раздался щелчок спускового курка, кресало звонко ударило по кремню и через секунду из ствола вырвался клуб пламени. К счастью, хозяин, похоже, прекрасно знал подобное оружие, потому что на линии выстрела в этот момент никого не было, пуля ушла в море.

Потом, когда рассеялся дым от выстрела, оказалось, что дон Паоло находился за спиной наглеца Алонсо, а его спутник стоял рядом, направив на шлюпку необычный тонкий и короткий мушкет. Раздался хлопок и сразу же треск расщеплённого дерева.

Хозяин, держа наглеца за запястье и воротник, макнул Пинсона пару раз в забортную воду, поднял, и глядя прямо в глаза, предупредил:

– Если хочешь умереть сам, не подставляй под удар остальных. Ещё раз такое повторится, и Франциско и Винсенте будут долго горевать по безвременно ушедшему брату.

– Ты... – прохрипел в ответ Алонсо, но был тотчас же опущен в воду.

Дон Паоло подержал его какое-то время, затем рывком уложил на палубу. По светло-серому металлу текли тёмные от грязи потоки, сам капитан затонувшего корабля открывал рот, подобно рыбе на берегу и гладил обеими руками горло. Видимо, воротник сильно стягивал его.

– Заберите этого негодяя, – крикнул дон Паоло.

Некоторое время было тихо, затем в круг света всплыла шлюпка, из неё выскочили двое, одетых лишь в обрезанные до колен штаны, матросов, молча подхватили Пинсона и мгновенно нырнули обратно. В ту же секунду заработали вёсла, и шлюпка поспешно отчалила. Адмирал непроизвольно провёл пальцами по собственной шее, покачал головой и сделал глоток.

– Я понимаю, дон Паоло, почему вы не хотите пускать моих людей на берег. И даю вам слово, что никто из них не причинит вреда никому из вашего народа.

– Дело вовсе не в этом, – отмахнулся хозяин. – Я не хочу, чтобы мои люди заболели чумой.

– Чумой?! – адмирал был поражён.

Чёрная смерть пронеслась по королевствам за две сотни лет до его рождения. И хотя эпидемии время от времени повторялись в некоторых городах, но опасности для остальных стран уже не представляли. Бояться поздно. Или дон Паоло считает, что болезнь всё ещё свищет по всей Европе?

– Гляжу, вы задумались, адмирал. Прошу, не надо считать меня сумасшедшим. Я прекрасно знаю, что уже более двух веков никто у вас не слышал о повальной эпидемии чумы. Лишь ответьте мне на вопрос, кто смог выжить после этого ужаса?

Колумб сделал последний глоток, допив вино в бокале, потянулся к вазе и не глядя ухватил странный плод, похожий на собранные вместе перевёрнутые дольки апельсина. Разрезал его пополам собственным ножом, откусил... Странный вкус, будто смешали вместе яблоко, огурец, ещё что-то и залили всё это мёдом. Удивительно. Но вопрос дон Паоло ещё удивительнее. Кто выжил? Кому бог дал, тот и выжил. Или у хозяина здешних мест есть другое, отличное от Всевышнего, мнение?

– Кто бы ни выжил, – не дожидаясь вопроса продолжал между тем собеседник, – по воле провидения или по каким-то другим причинам, они опасны для тех, чьи предки не прошли через ад чёрной смерти. Они носят эту болезнь в себе и способны распространить её на окружающих. Поэтому я не допущу контакта ваших людей с моим народом.

Христофор так и застыл с куском чудного фрукта во рту. Первым порывом было поставить на место зарвавшегося аборигена, но память тут же услужливо подбросила ломающуюся надвое Пинту, крики ужаса и мокрых испуганных матросов. Колумб успокоился, удивлённо посмотрел на дон Паоло, рефлекторно проглотил, не жуя, затем тихо спросил:

– Неужели нам придётся возвращаться вот так, даже не сойдя на берег? Но моя команда месяц не видела твёрдой земли. У нас пропала вся вода, кончились продукты. В конце концов, если я вернусь и расскажу всё это их величествам, уверен, Фердинанд соберёт большой флот и пошлёт его сюда.

– За золотом, – кивнул собеседник. – Не волнуйтесь. Мы дадим вам возможность прийти в себя. Я провожу вас на другой остров, там никто не живёт, и вы не причините никакого вреда. Обещаю, что ваши люди будут хорошо питаться и жить в человеческих условиях. А золото...

– Что?

Колумб напрягся. Неужели его необычный собеседник подарит им золото просто так? А почему нет? Ведь Марко Поло рассказывал, что в Индии даже крыши кроют благородным металлом. Здесь, правда, не Индия... Но вдруг и им некуда его девать?

Собеседник улыбнулся. Казалось, он запросто видит всё, о чём думал адмирал. Дон Паоло разлил остатки вина по бокалам, с хитрой улыбкой поднял свой, приглашая выпить, подмигнул, и спросил:

– Какой самый лучший способ заработать золото?

Этого вопроса Колумб совершенно не ожидал. Он некоторое время даже не знал, что ответить, затем грустно улыбнулся.

– Торговля и война.

– Остановимся на первом пункте. Причём, торговать будем через вас. Это принесёт пользу и вам лично, и их величествам, и нам. Хотя, нам в гораздо меньшей степени.

Глава 3

В карантине есть свои хорошие стороны

Хесус Савендо привычно окунул деревянное ведро в воду и замер. На дне блеснуло что-то необычное. Это точно не был солнечный блик. Молодой человек подвигал головой, стараясь вновь поймать точку, из которой заметил непривычный жёлтый блеск. Наконец, он изготавился, и, будто ловил рыбу, стремительным движением запустил руку в ручей. Несколько секунд поболтал, смывая песок, и вытащил чуть покрытый тиной жёлтый обломок с полминцинца размером. С минуту он недоуменно рассматривал свою находку, пытаясь понять, что же ему досталось, и вдруг разжал пальцы. Тяжёлый кусочек мгновенно нырнул в прибрежную траву.

– Золото... – еле слышно прошептал Хесус и тут же упал на колени.

С минуту он разгребал руками спутанные стебли, стараясь найти самородок. Наконец, блеснуло, и вот его богатство снова у него в руках. Мальчик вскочил и, забыв от радости на берегу ведро, помчался домой.

Это же теперь отец сможет мельницу на ручье справить, думал Хесус. А то каждый раз жалуется, что с зерном приходится за пять лиг таскаться, да ещё и отдавать мельнику десятину из их и так небогатого урожая. А будет своя мельница... Эх... Тогда Беаткины родители ему от ворот поворот не дадут.

Хуан Савендо долго ходил вокруг стола и рассматривал лежащий на глиняной тарелке самородок. Наконец, он сделал шаг назад, упёр руки в бока, и строго глянул на сына.

– Кто кроме тебя видел это? – негромко спросил он.

– Никто, – удивлённо замотал головой молодой человек. – Я как нашёл, сразу прибежал показать. Это же хорошо, отец! Мы сможем построить свою мельницу. И ручей не будет занимать нашу землю просто так, и тебе не придётся договариваться с дядей Мануэлем везти мешки. Наоборот, это нам все будут давать зерно за помол.

Мальчик с сомнением посмотрел на хмуρο покачивающегося на деревянной ноге отца, затем перевёл взгляд на кусок золота на тарелке и вновь задрал брови.

– Я не прав, отец?

Хуан с кряхтением опустился на лавку, запустил руку в густую светлую бороду и долго там скрёбся. Наконец, посмотрел на сына. В глазах его была грусть.

– Ты даже не представляешь, насколько не прав, сынок, – глухим голосом пояснил он. – Если об этом кусочке узнает барон или пронюхает кто-то из церковной братии, нам конец. Даже если узнают соседи. Они-то не преминут доложить. Не для того даже, чтобы что-то выгадать самим, а чтобы не дать подняться нам.

– Так что? Золото придётся выкинуть обратно?

– Ну зачем же?

Инвалид, стуча деревяшкой, подошёл к печке, вынул из неё, обернув полотенцем руку, горшок, налил в глиняную плошку отвара, сделал большой глоток, и только тогда повернулся к сыну.

– Если только... – Мужчина снова заходил по единственной комнате, глухо топая деревянной ногой по земляному полу.

– Вот, что, – наконец, решительно заявил он. – Ты отвезёшь этот самородок в Уэльву.

– Но ведь это тридцать лиг, папа?! – мальчик возмущённо вскочил с лавки и уставился на отца.

– Тебе давно пора взрослеть. А то семнадцать лет, а всё дитё дитём. Другие, вон, уже сами отцы в твоём возрасте, а ты всё под мамкиным крылышком сидишь.

– Так ведь не идёт она за меня, папа! – мальчишка почти плакал.

– Значит, у тебя есть причина добраться туда и обратно быстро и без потерь. Найдёшь там дом дона Совиньи. И передашь ему это письмо.

Он, хромя, прошёл в угол, долго там возился, наконец, вернулся с листом серой бумаги и огрызком карандаша. Послюнил грифель, минуту подумал, и начал покрывать лист неровными буквами. Сын с удивлением разглядывал написанное и ему казалось, что отец забыл грамоту. Сам он гордился умением читать и писать. Три года назад, когда в Осуну впервые вошли Супрематоры, началась кампания по переучиванию детей с арабской вязи на латиницу. В итоге все ровесники Хесуса отлично понимали, как по-арабски, так и по-кастильски. Но то, что писал отец, лишь отчасти походило на латинские буквы. Может, он забыл, как они пишутся, подумал мальчик. Или вообще, не знает. Наконец, Хуан сложил письмо вчетверо и надписал имя получателя. Мальчик убедился, что с кастильским у отца всё в порядке. Он принял послание, выслушал ещё раз, куда следует идти и кого там найти, и совсем уже двинулся за дверь...

– Стой! – властный голос отца остановил его почти на улице.

Хесус оглянулся. Хуан протягивал ему свёрнутую «мышкой» тряпицу.

– Ты ничего не забыл?

Мальчик даже ударил себя ладонью по голове. Надо же, собрался продавать самородок, а именно его-то и не взял. Он, сгорая от стыда, вернулся к столу, выхватил у отца тряпицу, и засунул её за пазуху.

– Выпей отвара и иди. Не надо сразу. Пути не будет.

Хесус, опустив голову, вынул из печки горшок, налил в плошку, залпом выпил... Замер, мысленно ощупывая себя, вспоминая, что где лежит, и не забыл ли чего.

– На, в дорогу. – Отец протянул ему краюху серого хлеба и кусок твёрдого сыра. – Да не разговаривай ни с кем. Можешь только дорогу спросить. И...

Он подошёл к сыну, сложил пальцы щепотью, перекрестил его, и повернул в сторону двери. Отец тоже волнуется, подумал мальчик. Вон, даже крест задом наперёд положил. Он последний раз тронул завёрнутый самородок, письмо за пазухой, вздохнул, и решительно открыл дверь. Дорогу до Севильи он знал, пару раз ездили туда с родителями купить то, чего не привозили на сельский рынок. А дальше, если верить отцу, всё просто. Прямая дорога в сторону моря. Помогите мне, святой Христофор, покровитель всех путешественников, попросил про себя мальчик, и уверенно двинулся по дороге.

Сначала Христофор взглянул на хижину, куда его поселили, с антипатией. Ничего привлекательного, необитаемый островок лиг с полсотни от Гуанакани, так, оказывается, аборигены называют место, где их встретили. Необычный плотик дона Паоло, не нуждаясь в ветре или вёслах, уверенно двигался впереди остатков эскадры, шумно молотя своими пропеллерами. Это чудное название подсказал сам дон Моторин. Адмирал остался с ним, а Санта-Мария и Нинья шли следом.

Островок оказался оборудован приличным пирсом из монолитного серого камня. Дорожки от причала к городку из плетёных хижин, площадка, всё отделано тем самым камнем.

Хижины на первый взгляд примитивные – плетёные из лиан стены, крыши крыты пальмовыми листьями, вместо окон пустые проёмы. Адмирал с пренебрежением вошёл в полумрак гостиной и замер. Сзади раздался еле слышный щелчок и под потолком сама собой вспыхнула яркая лампа.

– Посмотрите сюда, адмирал, – подсказал дон Паоло. – Видите этот квадрат с клавишей? Нажмите.

Как замороженный Колумб осторожно нажал клавишу. Лампа погасла, и он на некоторое время ослеп.

– А теперь ещё раз.

С трудом нащупал клавишу, вернул её в верхнее положение и с радостью увидел, что комната вновь освещена.

– Вы потом покажите своим людям, как пользоваться светом. А пока давайте пройдем в спальню.

Вечером, лёжа в мягкой постели, Христофор в который раз перечислял чудеса, с которыми ему довелось столкнуться за день. Это и лампа, слушающаяся щелчка клавиши, и кухонная плита, в которую не нужно класть дрова. Дон Паоло сказал, что в ней горит вода, но адмирал, хоть и согласился, но втайне не поверил. Где такое видано, чтобы воду можно было зажечь. И почему тогда не горит вода в тех удивительных трубах? Хотя, надо признать, греется она хорошо.

Много чудесного рассказал дон Паоло о государстве Америка. И это не только непривычная еда, не встречающиеся более нигде растения и животные. Прежде всего, необычны в этой стране сами люди. Начать с того, что у них нет короля. Нет дворянства, крестьянства. Почти отсутствуют священнослужители. Дон Паоло говорил, и адмиралу верилось с трудом, что в этой стране каждый может стать кем захочет. Даже королём. Потому что государственная власть здесь не имеет ничего общего ни с богатством, ни с доходом. По утверждениям местных во главе должен стоять не тот, кто получил этот пост по праву рождения, а тот, кто проявил себя как лучший хозяйственник, тот кто умеет управлять и не видит в этом способа личного обогащения.

Впрочем, впоследствии выяснилось, что аристократия в этом удивительном государстве есть, но только совершенно иного свойства. Не наследная, базирующаяся не на родовых принципах, а на пользе для страны. Это мастера, создающие диковины вроде того самого плотика, который, как оказалось, может двигаться и по воде, и по суше, или многозарядного мушкета, которым помощник дона Паоло разнёс в щепки весло шлюпки. Но создавать нужно обязательно что-то новое и не лениться поддерживать свои знания и работоспособность на уровне, иначе вскоре рискуешь остаться за спинами претендентов.

Самое удивительное было то, что ни один священнослужитель не считал это святотатством или ересью. Наоборот.

– Видите ли, адмирал, – пояснял дон Паоло, сидя в удобном, плетёном из лианы кресле-качалке. – Господь, как вы помните, создал человека по образу и подобию своему. А сам Господь без сомнения является величайшим творцом. Создателем. Именно для этого он и награждал людей разумом. Чтобы те принимали подобие божие и так же учились быть творцами.

– Но католическая це...

– Не надо. Я не буду спорить с отцами вашей церкви. Спрошу лишь о том, кто является у вас аристократией. Не лучшие ли воины?

– Сейчас совершенно необязательно...

– А изначально? Не тех ли, кто помогал королям в битвах, награждали потом землёй и властью? Да и сами короли. Далеко ходить не будем. Помните, как была присоединена к королевству Кастильскому Гранада? Ведь десять лет бои шли.

– Но свет истинной веры всё же был распространён на эти земли.

– А сколько не дожило до этого светлого момента? Скольких убили в боях?

– Увы, это война...

– Раз вы оправдываете массовые убийства, скажите мне, есть ли убийство в образе божьем? Даже не так. Может ли убийца утверждать, что подобен богу?

Они тогда спорили больше часа, но Колумб так и не смог убедить своего оппонента. Более того, он и сам в конце концов стал сомневаться в целесообразности религиозных войн, да и, в чём не признался бы и самому себе, в безупречности католической веры.

В комнате, будто сам собой вспыхнул свет, и адмирал отвлёкся от воспоминаний. Когда зажмурившиеся глаза открылись, он увидел стоящую у двери долгожданную даму. Руками

вошедшая держалась за ручку гибрида столика и тележки, подобные встречались в лавках ювелиров в Генуе. Зацокали по полу каблуки и уже через минуту столик оказался возле кресла. Теперь стало видно, что дама очень необычно одета.

Вообще-то приходила она далеко не первый раз, но Колумб в каждый её приход испытывал понятное возбуждение. Не так часто, да и не в подобной обстановке, ему приходилось видеть голые женские ноги, да ещё и в таких вызывающих туфлях.

Впервые войдя к нему, девушка тут же напомнила разбитных припортовых девчонок, щеголяющих в одних панталончиках. Адмирал даже подумал, что принимающая сторона таким образом хочет скрасить более, чем месячную скуку морехода. Но...

Тогда, больше двух недель назад, она остановила свой блестящий, крытый толстым стеклом, столик, молча взяла с него то ли тряпочный, то ли кожаный хомут, безапелляционно нацепила это орудие на плечо адмирала и начала с невозмутимым видом качать кулаком маленькую грушу.

Сейчас Христофор со стыдом вспоминал, как искоса, пряча глаза, рассматривал непривычно загорелые ноги гостьи в непозволительно короткой, обтягивающей юбке, то и дело переводя взгляд вверх, на едва прикрытые тонкой тканью лёгкой почти мужской рубашки выпуклости. Но потом решился и положил ладонь на упругое, тренированное бедро. Тогда контраст между пышными, рыхлыми ягодицами привычных ему европейских дам, и этим почти не поддающимся живым и тёплым мрамором казался удивительным. Ещё удивительнее было почувствовать на своём запястье твёрдые пальцы.

– Не надо, адмирал, – слышалось из-под белой, закрывающей всю нижнюю часть лица, повязки.

Он поднял взгляд. И тут же утонул в необъяснимых, мистических озёрах цвета индийского чая, окаймлённых пышными ресницами. Какое удивительное чувство – видеть на лице одни глаза. Всё остальное было скрыто повязкой и этот факт лишь усиливал впечатление. Адмирал за время проведения процедур неоднократно порывался вновь положить руку на бедро таинственной гостьи, но так ни разу и не решился. Зато неоднократно сталкивался с ней взглядами и в конце концов признался сам себе, что ранее и предположить не мог такой выразительности, такой заботы и понимания в глазах женщины.

Он почти не заметил, как его укололи в руку, безропотно проглотил пару белых круглых пилюль и запил их непривычной на вкус жидкостью, лишь бы не прерывать это молчаливое общение, в котором чувства, эмоции, желания передаются одним волнительным хлопком ресниц. Когда девушка собиралась уходить, он всё-таки решился вновь проявить мужское внимание. Она посмотрела на адмирала, как мать смотрит на любимого, но непослушного сына, и он тут же убрал руку.

– Не надо, – она помахала пальцем. – Вас ждёт Беатриса и два сына.

И исчезла за дверью, прежде, чем Колумб успел спросить, откуда ей это известно.

Сегодня гостья появилась без маски, и он наконец-то увидел её улыбку. Искреннюю, открытую, совсем не похожую на жеманные и неловкие гримасы привычных ему дам. И вновь эта волнующая, неприлично короткая юбка, лёгкая, без малейшего признака корсета, блузка и изящные сандалии на тонком каблуке. Своё имя гостья открыла ему уже достаточно давно, во второй или третий визит, но лицо показала лишь сейчас.

– Даша, вы чудесно выглядите! – с восторгом приветствовал он девушку.

– Могу сказать о вас то же самое, адмирал, – её улыбка стала ещё шире. – И кроме того, спешу обрадовать. Вы и ещё одиннадцать человек из команды абсолютно здоровы. Остальным, увы, общение с нашими согражданами противопоказано.

Она так же легко, чуть покачивая бёдрами, подошла к креслу и положила на колени адмиралу небольшой листок непривычно белой бумаги. На нём была дюжина имён и, увы, ни одно

из них не принадлежало капитанам. Колумб быстро пробежал их глазами и вопросительно посмотрел на гостью.

– Остальных мы ничуть не ограничиваем в перемещении по острову, но не разрешаем его покидать. Если хотите, можете прямо сейчас им это объявить.

Адмирал решительно отложил список и резко поднялся из кресла.

– А если я хочу просто прогуляться с вами, пусть даже по острову, и поговорить. Например, расскажите о себе. Кто вы, каков ваш титул, кто ваши родители... Согласитесь, очень неприятно, когда собеседница, тем более, настолько прекрасная, знает обо мне всё, а я лишь одно имя.

Глава 4

Дон Совиньи и Хуан Совендо

Хесусу очень повезло. Почти до самой Севильи его довёз на телеге крестьянин из соседней деревни, дядя Мануэль. Более того, когда он проголодался, то не стал есть один, а поделился с мальчиком куском сыра и горбушкой хлеба, а потом дал запить еду кисловатым молодым вином. Лишь за поллиги от города Хесусу пришлось спуститься на землю – Мануэль сворачивал в монастырь. Он вёз туда церковную десятину со всего села и не собирался даже заезжать в Севилью.

Улицы встретили мальчика непривычной суетой, толкотнёй и всеобщей спешкой. Спокойно пройти по мостовой и ни с кем не столкнуться оказалось невозможно. А через какое-то время Хесусу показалось, что вообще, каждый встречный и попутный старается его или толкнуть, или задеть, а то и дать пинка или, на худой конец, подставить ножку. Мальчик не один десяток раз споткнулся, язык заболел от многочисленных извинений, пару раз даже не получилось устоять на ногах.

Через час, а может быть, через вечность, молодой человек понял, что не знает, куда идти. Он заблудился в полумраке извилистых улиц. Вроде бы, все дома разные, какие-то с высокими крышами, крытыми черепицей и окнами из множества мелких стёкол, другие вообще не имеют крыш, только плоскую площадку наверху, ограждённую невысоким барьером, и высокие арки в арабском стиле. Но они настолько перемешались в памяти, что за каждым поворотом казалось, что он только что вышел именно из этой улицы.

Молодой человек постоял на углу, собираясь с духом, и, увидев человека в простой одежде, похожей на ту, что в их деревне носили зажиточные крестьяне, решил и почти бегом подошёл.

– Скажите, а как пройти на Уэльву? А то я целый день брожу по городу и никак не могу найти выход.

– Ой! Выход! – в голос захохотал собеседник. – Люди, посмотрите на эту деревенскую бестолочь! Он ищет выход. Дурак, это не сарай, это город. Город, ты понимаешь? Здесь не выход. Здесь ворота. Во-ро-та! И раз ты хочешь пойти в Уэльву, то и искать надо именно те, которые лежат на той самой дороге. А ты – выход. Дурак деревенский. И чего ты только к нам в Севилью припёрся? Сидел бы себе под своим камнем и не вякал. А то...

– Хорхе, – раздался властный голос. – Опять ты смеёшься над приезжими? Или забыл, как я тебя полгода назад из твоей Асурры вытащил?

– Простите, дон Менедес, – тут же заезжил наглец. – Но мальчишка спрашивал, как пройти в Уэльву...

– Ну? Надеюсь, ты ему подсказал?

– Нет, дон Менедес...

– Да? И почему же?

– Я... Я не знаю дороги, дон Менедес...

Дон Менедес подошёл, и теперь Хесус смог рассмотреть своего спасителя. Одет он оказался в роскошный чёрный с золотым шитьём камзол, панталоны с длинными, будто прорезанными щелями и кипельно белые чулки. Голову венчал широкий берет с одиноким пером такого размера, что Хесус даже боялся представить себе птицу, что могла бы такие носить. На бедре дона, чуть-чуть не доставая до земли, играла на солнце блестящая шпага. А может быть это был меч, а сам дон Менедес – рыцарь из тех, что защищают несчастных и убогих?

Во всяком случае он молча взял молодого человека за руку, подвёл к ближайшему углу и показал на узкую улочку.

– Там свернёшь налево и иди дальше, никуда не сворачивая. Упрёшься прямо в ворота. За ними дорога на Уэльву.

Бежать по улице было гораздо сложнее, чем идти. Сталкиваться приходилось постоянно, но теперь в душе у Хесуса звучала радостная музыка. Дворянин, рыцарь со сверкающим мечом на боку показал ему дорогу. Не побил, не накричал, а даже взял за руку. Если от постройки мельницы останутся какие-нибудь деньги, то он, Хесус Савендо, тоже купит себе шпагу, чёрный костюм, и станет рыцарем. Будет помогать заблудившимся мальчишкам, спасать от хулиганов, вроде драчуна Тахито, девчонок... И может быть, когда-нибудь одна из них его поцелует. И окажется она заколдованной принцессой... Или лучше дочерью богатого дона. И он на ней женится.

С этими радужными мечтами мальчик добежал до ворот и очнулся только когда стражник в кожаной кирасе подставил ему ногу. Запнулся, пробежал по инерции, чтобы не упасть, и услышал за спиной громкий смех. Да, был бы у меня меч, подумал Хесус... И одёрнул себя. Да он и вытащить его не успеет. Как говорил отец? Коня имей, да владеть им умей. А уж мечом тем более. Если даже чтобы пахать плугом приходится учиться, что говорить про оружие благородных донов?

Ночевать пришлось в кустах, в стороне от дороги. В общем-то ничего особенного, он не один раз ночевал в поле, когда не успевали в страду, да и на рыбалку с мальчишками бегал регулярно, а там без ночёвки на берегу известно не обходится. Зверей мальчик не боялся – настолько глупого волка, чтобы решился подойти почти к самому городу, да ещё и возле оживлённой дороги, давно бы зарубили. Так что стоило солнцу подняться, как Хесус встал, старательно отряхнул одежду, доел взятую с собой краюху хлеба, и двинулся дальше. Неудивительно, что то там, то тут из кустов выползали такие же путешественники. Одни зевали, крестя при этом рот, другие что-то на ходу жевали, но все двигались или в Севилью, или от неё.

Уэлья показала, когда солнце перевалило за полдень. До ворот город казался двойником Севильи, но стоило молодому человеку пройти в ворота, как он понял, что чувствует слива, попадая в густой компот.

Пахло морем, тухлой рыбой, смолёным деревом, потом и навозом, а людей на улицах было столько, сколько, наверное, нет во всей остальной Кастилии. Кроме того, кривые улицы не оставляли надежды выйти в правильное место. Хесус не меньше часа брёл, куда глаза глядят, наконец, достал из-за пазухи письмо и подошёл к первому попавшемуся молодому человеку примерно его возраста. Может, чуть старше, но одетому как простолюдин.

– Мне нужно на этот адрес. Не подскажешь, как туда пройти.

– Что? – встрепенулся прохожий. – На адрес? А что это у тебя?

Он ловко выдернул из пальцев Хесуса письмо и шустро отскочил в сторону.

– Ну-ка, кто тут кому пишет? – приговаривал он, приплясывая на одном месте.

– Отдай! – Хесус бросился к воришке.

– Не отдам! Деревенщина неуклюжая. – Жулик рванул по улице.

Хесус кинулся следом, но грабитель был быстрее. Тогда мальчик схватил первый попавшийся камень и запустил вслед. Очень, как оказалось, удачно. Попал прямо в середину спины и жулик, запнувшись, растянулся на мостовой. Отобрать письмо было делом одного мига. Хесус некоторое время постоял над неудачливым воришкой, послушал его тяжёлое дыхание. Наконец, тот перевернулся лицом вверх и посмотрел на противника правым глазом. Левый был залит потом и прищурен.

– Ловко ты меня, – без малейшей обиды заметил поверженный. – Только я бы ничего не сделал. Да и читать я не умею. Тебя как зовут? Меня Анхело Сантанхело. А ты кто?

Хесус выслушал торопливую речь и представился.

– А зачем тогда забрал? – непонимающе спросил он.

– А просто так. Ты не понимаешь, да? Ведь скучно же просто так бродить. А торговцы меня все уже знают. Если раньше можно было хотя бы булку какую стащить, или рыбу вяленую, то теперь, как подойду, они уже всё попрятали и смотрят на меня, будто я им сто песо должен. Вот и скучаю. А тут ты. Так ты хоть скажи. Что за адрес тебе нужен? Я весь город знаю, доведу, не успеешь сказать «мама».

– Мама, – тут же повторил Хесус.

– Ну тогда мы пришли, – Анхело засмеялся. – А если скажешь, куда надо, то дойдём до самой точки.

– Мне нужен дом дон Совиньи. Это где-то на Рыбной улице.

– Ой, знаю я этого дон. И вовсе не на Рыбной он живёт, а на Кадисе. Это почти у самого моря. Пошли, я покажу. Тут рядом, дойдём, не успеешь сказать... э... молитву Богородице.

Дошли действительно быстро. По пути Анхело засыпал Хесуса тысячей вопросов. Впрочем, ответы были ему, кажется, не нужны. Вместо них он давал описание каждому дому, мимо которого проходили, обращал внимание на некоторых прохожих и тут же рассказывал смешные и не очень истории, которые с ними происходили. А когда мальчишки поравнялись с лавкой булочника, Анхело замер.

– Сейчас мы войдём внутрь, – громким шёпотом проговорил он. – Я отвлеку хозяина, а ты стащи хотя бы пару булок с витрины. Они прямо на блюде сверху стоят, даже тянуться никуда не надо. Только не бойся и не стой столбом. Как сопрёшь, я кинусь наружу, а ты беги следом. На улице разбежимся, ты обогнёшь вон тот дом и встретимся вон там, видишь шпиль церкви? Вот в ней и встретимся. Хозяин всё равно за мной побежит. Ну, давай, а то очень есть хочется.

– Стой, – поднял руку Хесус. – Что же ты сразу не сказал. У меня хлеб есть. Правда я его ещё из дома брал, он немного подсох, но вполне съедобный. Хочешь, на.

– Молодой человек полез за пазуху, достал остаток краюхи, завернутый в тряпицу, и протянул товарищу. Тот мгновенно выхватил угощение и тут же впился в него зубами.

– Бубу-бубубу, – размахивая свободной рукой, произнёс он...

– Когда я ем, я глух и нем, – наставительно сказал Хесус и пояснил: – Я всё равно ничего не понял. Прожужешь, тогда скажешь.

Дон Совиньи оказался очень необычным человеком. Прежде всего в глаза бросалась очень светлая, почти белая, коротко стриженная борода. Из-под чудной, похожей на две поставленные друг на друга миски, шляпы на плечи падали длинные кудри, ещё светлее бороды. И глаза. Хесус никогда не видел такого ярко-голубого цвета глаз.

Хозяин встретил их на пороге и шагнул в сторону, пропуская в длинный, расписанный разными красками, коридор. Потом внимательно посмотрел на обоих и вытянул палец.

– Анхело из монастыря Сантанхело. Сядь, посиди на лавке. Сейчас тебе принесут чай и булочки, а то ты, я уверен, как всегда голоден. А ты, должно быть, носишь фамилию Савендо.

– Всё верно, дон Совиньи. А откуда вы знаете?

– А я не удивлён, – произнёс из своего угла Анхело.

– Молчи. Тебя пока не спрашивали. – мужчина повернулся к Хесусу. – Так что привело тебя к нам?

– Вот, – коротко ответил тот, протягивая письмо.

Дон Совиньи быстро пробежал глазами строчки и кивнул мальчику.

– Идём. – он повернулся к Анхело и строго указал на него пальцем. – А ты подожди здесь.

Они поднялись на лестницу, прошли по длинной открытой веранде и, согнувшись, нырнули в низкую двустворчатую дверь. Совиньи пропустил гостя вперёд, аккуратно прикрыл створки и отошёл к противоположной стене. Хесус огляделся. Комната была необычной. Во-первых, в ней не было ни одной кровати, во-вторых стол оказался завален какими-то бумагами и, например, обедать за ним было совершенно невозможно. И ещё книги. Их было очень много.

Не меньше десяти штук. Мальчик и не предполагал, что на свете есть столько книг. До этого он видел одну лишь библию, да ещё мельком у некоторых святых отцов замечал небольшие книжечки, привязанные к поясу. Но здесь...

Огромные, больше двух сложенных ладоней. Кожаные, раскрашенные в разные цвета переплёты. Некоторые вообще закрыты бронзовыми замочками, как сундуки. Наверное, в них записано что-то, что нельзя читать посторонним. Например, указаны места, в которых зарыты римские клады, или может быть вообще, это волшебные книги, с тех времён, когда волшба ещё называлась волхвованием и сами волшбы бродили по дорогам среди обычных людей. А записаны в них заклинания. И чтобы никто не прочитал, закрыты на замок, который открывается не ключом, а...

– Хесус!

Мальчик восторженно вскрикнул. Дон Совиньи стоял возле стола с письмом в руке и смотрел на него.

– Значит, Ваня Совенко нашёл золото? – не столько спросил, сколько подтвердил он.

– Да, дон Совиньи. Вот.

Молодой человек аккуратно вынул свёрток, развернул его на ладони и показал хозяину.

– Только вы перепутали. Его зовут Хуан Совендо.

Дон Совиньи протянул руку, дождался пока мальчик вложит в неё самородок, и повернулся к горящей свече. Некоторое время он разглядывал золото, затем, не оборачиваясь, спросил:

– И что ты хочешь?

Мальчик опешил. Вообще-то это отец послал его в Уэльву. Даже письмо написал. И уж, наверное, он всё, что надо там указал. И вдруг этот мужчина, да ещё и не абы кто, а настоящий благородный дон, спрашивает у него, мальчишки, что он хочет сделать с золотом. И что ему ответить? Сказать, что хочет меч как у неизвестного дона Менедеса? Или рассказать про мельницу? А может, вообще попросить взять его в ученики?

– Вы уже начали добычу?

Что? Какая добыча? Или он про золото? А как его добывают? Может быть, нужно перекопать дно ручья в этом месте? Стоп. Хесус привёл мысли в порядок.

– Я бы хотел поставить на ручье мельницу, дон Совиньи.

– Можешь называть меня Wasiliy Luckich, зачем-то сказал Хозяин. Эти доны мне уже вот, где сидят. – Он провёл ребром ладони по горлу.

– Wasiliy Luckich, – повторил непривычные слова мальчик. – Так что насчёт мельницы?

– Пока ничего. Главное, чтобы твой отец сам ничего копать не начал. А то ведь церковники вмиг пронюхают, и тогда хорошо, если жив останется.

– Как?..

– Да вот так.

Хозяин некоторое время ходил взад-вперёд по комнате, затем подошёл к углу и вдруг откинул в сторону одну из панелей. За ней оказался небольшой шкаф. Совиньи вынул из него весы с двумя чашками, чёрный лакированный ящичек с гирьками разного веса и долго уравнивал самородок. Наконец, повернулся к молодому человеку и предложил:

– Я дам тебе стоимость этого самородка в серебре. Не золотом же вы будете в деревне расплачиваться. Его там, поди, кроме тебя, никто и не видел никогда.

Мальчик неистово закивал.

– Но везти его самому тебе будет опасно. Сумма немалая. Так что, если ты не возражаешь, я съезжу с тобой. Заодно и повидаться с твоим отцом. Ты конём-то править можешь?

– Конечно, дон Совиньи, ой, простите, Wasiliy Luckich. Ездил, и не один раз.

– Ну тогда идём, – и он стремительной походкой покинул комнату.

Глава 5

Производственные страсти

Антон прислонил велосипед к невысокой ограде и торопливо вбежал в длинное одноэтажное здание. Прошёл по полутёмному коридору с множеством дверей, остановился перед последней. Зачем-то отряхнул ладонями лёгкие конопляные брюки, поправил рубашку, проверил причёску и даже пару раз улыбнулся сам себе, будто проверяя, штатно ли работают мышцы лица. Сделал глубокий вдох, шумно выдохнул, и вошёл.

– Здравствуйте, – ни к кому не обращаясь сказал он.

За дверью оказался немаленький кабинет с длинным столом посередине и не меньше, чем с десятком стульев. Вокруг стола сидели люди, причём каждого из них Антон отлично знал. Девушка, сидящая с одного торца, коротко кивнула ему и продолжила прерванный монолог.

– И снова к вашим токарям, Пётр Иванович. Я знаю, что они стараются, но продукции всё равно не хватает. Весь ваш патронный цех, сколько, кстати, у вас сейчас?

– Восемь станков, – прогудел гулкий бас.

– Спасибо. Так вот. В день они выдают восемьсот единиц. И это при условии, что рейнджеры в точках соприкосновения с непримиримыми тратят около полусотни, охрана в местах добычи селитры в Чиму, на приисках у Чибчей и Чаруа. Почти полторы тысячи единиц выходит. Так что, Пётр Иванович, давайте думать, как нам повысить производительность.

– Да что тут думать? – прогудел оппонент. – Вот придут станки из Сталинграда, тогда и повысим.

– Так пришли же они, – ещё один из сотрудников даже привстал с места. – С утра уже на станции стоят, а вы даже не удосужились организовать разгрузку. Мои вам уже дважды звонили.

– Если можно, я тоже кое-что скажу, – над столом возвысилась нескладная, длиннорукая фигура почему-то с пером в причёске.

Вообще-то никто не запрещал носить как перья, так и национальную одежду целиком. Если кто-нибудь бы вдруг изъявил желание заявиться на работу в кожаных штанах из одних штанин, с голым торсом и кокошником перьев на голове, заслуженных, конечно, люди бы улыбнулись, пару минут пообсуждали, но никаких санкций подобная эскапада бы не вызвала. Собственно, члены совета племён именно так и ходили. Но им, понятное дело, по статусу положено. А в Таллахасси люди одевались в то, что им больше нравилось, было удобно и комфортно. И да, время от времени кое-кто, видимо, чтобы не отрываться от корней, втыкал в волосы перо. Особенно, если оно было получено за полезное для союза племён дело. К таким относился и Степан Койотович Тимукуа, создатель и руководитель консультативной службы.

– Ещё когда только появилась проблема зарядов для пневматических винтовок, – неспешно начал он, – наши консультанты начали думать над возможностью реорганизации производства.

Речь говорившего текла спокойно и неспешно, как Миссисипи. Говорил он только то, что хорошо знал и тогда, когда это было нужно.

– Мы посмотрели, как проходят производственные процессы у вас в цеху, Пётр Иванович. И вот, что нас удивило. Смотрите, ведь по сути изготовление заряда на вашем уроне это две базовые операции. Шлифовка наружной части пулебаллона и полировка сопла. Верно?

– И внутренней, – пробасил начальник токарного цеха.

– А зачем, Пётр Иванович? Мне кажется, сжатому воздуху всё равно, шлифованный внутренний периметр пулебаллона или нет. Поэтому наши сотрудники произвели замеры...

– Так вот, почему они у меня неделю ошивались, – недовольно прогудел главный токарь.

– Конечно. Мы для этого и существуем, чтобы облегчить вам работу и поднять производительность. Станки вот вам обеспечили.

– А кто на них точить будет? У меня токарей нормальных нет. А те, что приходят, так они, извините, ещё три года назад по-русски говорить не умели. Мне каждого из них полгода только учить надо.

– Так и учите.

– А работать когда?

– Значит, возвращаемся к тому, о чём я начал рассказывать. По замерам обточка внутренней поверхности, смена резцов при переходе на сопло, переброс ремней и прочее отнимает до шестидесяти процентов времени. Наши сотрудники предложили эти операции разделить. Пусть пятеро ваших работают на шлифовке. Одним резцом, с одной скоростью. А по окончании заготовки не перенастраивают станок, а просто передают пулебаллон соседу. И уже он доводит до ума сопло. Это даст экономию времени порядка сорока процентов. Как вам идея?

– Ну... – неуверенно прогудел Пётр Ивович. – Что-то в этом, наверное, есть. Давайте попробуем. А как быть с обучением?

– Вы сначала станки поставьте. А потом уже решим.

После собрания Антон не поспешил со всеми на выход, а задержался у торца стола. Хозяйка кабинета, проводив сотрудников, остановилась возле него и вдруг мгновенно превратилась из строгого начальника службы управления в довольную, улыбающуюся девушку. Эффективно ничего не произошло, но Моторин теперь не видел в её глазах строгости, деловитости. Только ласковая радость и еле заметные смешинки.

– Я вообще-то за тобой, – сказал он.

– А я готова. Пошли?

В кафе было тихо и пустынно. Еле слышно играла за стойкой новинка – ламповый проигрыватель виниловых дисков. Приятели Шурки Бизонова сконструировали эту машинку в восемьдесят девятом году, на общественных началах, и сейчас промышленность всю осваивала оказавшуюся популярной технику. Пока получалось медленно, не больше десяти в месяц, но это не удивительно. У молодого и растущего союза племён промышленность не всегда поспевала за конструкторской мыслью. Сказывались отсутствие культуры производства, то есть рабочих приходилось учить на месте, без отрыва от работы. К тому же сталелитейный комбинат в Сталинграде, станкостроительный там же, вышли на проектную мощность лишь полгода назад. Так что почти половину продукции приходилось выпускать малыми партиями, почти «на коленке». Но служба управления старалась. Во всяком случае, так утверждала девушка, сидящая напротив Антона.

– Нет, Моторин, – не пойду я за тебя, – с хитрым смехом помотала она головой. – Мы же сто раз обсуждали.

– Обсуждали, обсуждали, – буркнул молодой человек. – А если ребёнок родится?

– Ну и что? Будем ему родителями.

– А жить он будет с папой или с мамой?

– Ой, Тоха, ну сам посмотри. Ты начальник Электросилы. Мощной артели, между прочим. Кроме того, декан в университете. И то, и другое, прежде всего, ответственность и куча непослушных подчинённых.

– Так уж и непослушных. Нормальные ребята.

– Ты слушай, слушай. Я тоже не под ёлочкой живу. Служба управления, это тебе не пирожки продавать. У нас, между прочим, из десяти практикантов хорошо, если троим закрывают. И в подчинении у меня тоже не олени с енотами. Ну, кроме Никиты Скунса, конечно. Как мы жить-то будем? Ты меня строить, а я тобой командовать?

– Но нам же хорошо...

– Это сейчас хорошо, – прервала его девушка. – Пока встречаемся, общаемся, а живём каждый у себя.

– Ксюша, так в чём вопрос? Переезжай ко мне. Зря я что ли дом строил?

– Нет, Моторин, не перееду. Ты во сне храпишь. Опять же, обленишься в браке, начнёшь носки по углам разбрасывать, посуду немытую на столе оставлять.

– Всё спорите? – к столику подошёл молодой человек в форме жреца и без спроса уселся между влюблёнными. – Чего ты, Ксюха, парня мурыжишь? Он после этих твоих запилов по полдня сам не свой.

– Привет, брат Миша, – отозвался первым Антон. – Присядешь?

– Вот ещё – тут же отпарировала Ксюша. – Нечего в наши семейные скандалы ещё и Господнее Братство впутывать. Сами разберёмся.

Брат Михаил был ей настоящим, родным братом, на год старше, и сколько Ксюша себя помнила, вечным её оппонентом. Начиная с того дня, как девочка научилась ходить, она задевала, подкалывала старшего, издевалась над ним. Надо заметить, что и Миша не оставлял её выпады без ответа. Позже, когда племена объединились, каждый из них нашёл своё место в динамично растущем обществе, но пикировки всё равно продолжались. Правда, сегодня брат не стал обострять ситуацию, а вместо этого предложил:

– Идёмте в порт, влюблённые. Сегодня должен один мой подопечный приехать.

Длинная Ветка Дуба из племени Пони начал взрослую жизнь очень неудачно. Ничего-то у него не получалось. Контрабандисты, а на самом деле доверенные люди вождя, добывали бокситы и через третьи руки продавали их совету племён, обеспечивая львиную долю доходов племени. В тринадцать отец с огромным трудом устроил только что прошедшего инициацию сына в этот тяжёлый, но прибыльный бизнес. Целый год мальчик наслаждался уважением соплеменников, но потом скис. Душа требовала большего. Ну и что, что «копачи», как их называли, приносят племени много пользы. Вот если бы сделать что-то, что резко подняло бы благосостояние...

Бокситов было много, и стоили они не очень дорого. Ветка знал, что из них производят алюминий. Ещё бы узнать, как... Тогда можно было бы везти в город не полные телеги руды, а готовый металл и получать больше денег за меньший вес. Два месяца ушло у юного исследователя на выяснение процесса производства алюминия из бокситов, после чего пришлось искать гидроксид натрия. Но мальчик справился. Залил в самый большой горшок, который смог найти, и смело высыпал туда руду.

Очень жаль, что он не знал о предварительной очистке и прожарке бокситов. Реакция пошла сразу. Горшок лопнул на две части, выплеснув всё содержимое прямо на загон с индейками. Два десятка птиц не выдержали такого жестокого обращения.

Шаман племени долго совещался с предками по поводу слишком любознательного мальчика, после чего предложил ему идти в Сталинград на комбинат, учиться. Но Ветка решил, что пойдёт сразу в Таллахасси. Ещё бы его там кто-то ждал. Мальчик и не догадывался, что мудрый шаман совещался не столько с предками, сколько с руководством металлургического комбината.

В Таллахасси голодный и усталый малыш быстро попал под наблюдение Господних Братьев. Сначала шаманы поймали его при попытке зарезать чужого домашнего тапира. Только что прибывший в город индеец не догадывался, что звери делятся на тех, которых можно есть, и тех, которых нельзя. На первый раз брат Миша напомнил мальчику о законе кармы, о том, что целью каждого человека, пришедшего в этот мир, является самосовершенствование и познание вселенной. А чтобы дошло лучше, направил на принудительные работы на десять дней. Мальчик внял. Но уже на следующий день его чуть не убило током при попытке постичь секреты гальванопластики. Зачем он полез голыми руками в резервуар, Ветка не смог ответить. Скорее всего, и сам не знал.

Случай оказался тяжёлым. Брат Михаил долго искал способ утихомирить необузданное любопытство юного Пони. Наконец, остановился на наиболее действенном методе. И вот сегодня лейтенант Ветка Дубов должен был вернуться с южного материка. Три года он провёл в охране бальсовых плантаций. Три года в тропических джунглях, среди полудиких племён, говорят, не чурающихся даже каннибализма. А уж что попавших в плен солдат они приносили в жертву своим тёмным богам, было достоверно известно.

В таких условиях лучше всего формировалось в человеке чувство товарищества, осторожность, внимание, выдержка и реакция. Члены боевых отрядов были ближе друг другу, чем родные братья и понимали один другого иногда вообще без слов. Говорят, первых рейнджеров тренировал сам дядя Паша и они проходили по тропическому лесу, не касаясь земли, сто километров в день. А кроме того, заметить их нападение можно было только после того, как первые пули находили цели.

Глава 6

Побег из карантина

Рохо по прозвищу Генуэзец сделал два возбуждённых круга по узкому проходу между гамаками и остановился, зло глядя на приятелей.

– А что это, если не тюрьма?! – прошипел он. – Никуда с острова не выпускают, на корабль даже нельзя. На наш корабль!!!

– Так ведь лекари приходят, нам же объясняли...

– Объясняли ему, – Рохо ткнул палец почти в самую физиономию бородатому Гомесу, корабельному плотнику. – Я тебе что хочешь объяснить могу. Навру запросто. Вот и эти гады. Откуда ты знаешь, может они не лечат, а проверяют, вон, как баранов. Перед тем, как нас зарезать, а?

Среди сидящих на сдвинутых лавках прошло брожение, послышались угрюмые голоса, кто-то даже встал.

– Шлюпки отобрали, пистолетов тоже не оставили. Плен, да и только. Приходи в любое время и бери нас голыми руками. Вот, тебя, Скотч, или тебя, Вилли... Да кого угодно. Но только не меня, слышите?! Я им просто так не дамся.

– Да что ты сделаешь? – подал голос тот, кого называли Скотчем – здоровенный рыжий детина с покрытым многочисленными веснушками лицом.

– А! Ты, небось, и не догадывался, что хитрец Генуэзец оставил себе маленькую заднюю дверь.

– Говори, не томи, Рохо!

– Я, братцы, заберусь на корабль. Уж там-то, в арсенале, наверняка припрятаны и пара арбалетов, и пистолет, а может, и не один. И тогда сам чёрт со мной не справится!

– Эй, Генуэзец, захвати ствол и для меня тоже, – послышалось из толпы.

– И для меня!

– И мне возьми! – раздались торопливые голоса.

– Стойте, братцы! – поднял руки над головой Рохо. – Я знаю, что надо делать!

Пару секунд в комнате все молчали, потом чей-то неуверенный голос произнёс:

– Ну?

– Не ну! – тут же повернулся на звук Рохо. – Надо идти всем. Ну... – смутился он, глядя на недовольные рожи. – Или хотя бы двадцать человек. И тогда мы не будем мелочиться, а слямзим весь корабль! Заберём у голоногих нашу скорлупу обратно!

– Да! – раздался дружный вопль.

Луна этой ночью закончила свой путь очень рано и ушла за горизонт ещё до того, как полностью стемнело. Ночной океан отражал миллионы звёзд и казалось, что внизу такое же небо, как и наверху, только жидкое, поэтому мелкие огоньки в нём качаются и плывут.

Рохо снял жилет, ремень, стянул, кряхтя от натуги, узкие сапоги, почесал подмышками, и, задирая ноги на прибрежных камнях, вошёл по пояс в воду.

– Смотрите, звёзды плывут за ним! – шёпотом крикнул кто-то сзади.

И правда, чёрная вода, поднятая сухощавой фигурой Генуэзца, вдруг начинала светиться голубым, нереальным светом, будто взбаламученные телом звёзды решили плыть следом за моряком. Рохо оглянулся, замер, затем зачерпнул горсть воды, полной ярких точек, поднёс её к глазам, лизнул, и смело выплеснул обратно, в океан.

– Да пускай её светится. Когда это испанский флот отступал?

Он упал грудью в волну, шумно фыркнул, выдыхая, и поплыл размашистыми сажёнками к стоящему в полумиле от берега кораблю. Остальные начали, перешёптываясь, стягивать с

себя лишнюю одежду. Через минуту, когда от берега уже отплывала группа, самого Генуэзца можно было разглядеть лишь по светящемуся «хвосту». Ярко-синие вспышки возникали в местах, где ладонь касалась воды и расходились в стороны, завиваясь причудливыми водоворотами.

Некоторое время почти ничего не было видно, только редкие вскрики и скрип такелажа выдавали присутствие. Наконец, оба якорных каната поднялись, на каракке спешно, но ловко подняли грот, и «Санта-Мария» почти бесшумно отошла от острова. Десять человек, стоящие на пляже, те, кто не решился на захват, печально вздохнули и двинулись обратно, к лёгким плетёным из лиан домикам.

– Алонсо, не печалься. Не нужно нам было идти с ними, – Винсенте Яньес хлопнул брата по плечу. – Вот увидишь, ничего хорошего у них не получится. На борту одна шелупонь.

Алонсо Пинсон с надеждой посмотрел на брата, неуверенно и с опаской кивнул, соглашаясь, и, с трудом выдёргивая каблуки из влажного прибрежного песка, пошёл в сторону домика.

– Санта-марию жалко, – пробормотал он себе под нос.

Рохо Генуэзец пробежался по прохладной палубе, пару раз по привычке пнул бухту якорного каната, которую почему-то бросили прямо у фальшборта, ударил кулаком в кабестан и услышал в ответ глухой деревянный звук. Теперь главное было не прозевать нужный остров. Здесь, на Багамах, легко можно было заблудиться в множестве мелких, необитаемых островков. А ему нужен был тот самый, единственный...

– Скотч, заложи норд-вест, – крикнул он в темноту.

– Ага, – послышался равнодушный ответ.

Через минуту корабль, скрипя такелажем и хлопая единственным парусом, повернулся, грот тут же вспух, поймав ветер, и каракка резво побежала по волнам, развивая приличные пять узлов. Меньше, чем через час на левом траверзе показался тот самый серый каменный пирс. Без какой-либо подсказки Скотч увёл корабль от ветра, парус схлопнулся, заполоскал, корабль жалобно заскрипел и повернулся боком.

На берегу явно заметили незваных гостей. По прибрежным деревьям забежали лучи слишком белого для свечей света, будто кто-то умудрился засунуть в светильник целую луну. Через какое-то время на урезе воды собралось не меньше сотни человек. Наконец на невысокой, чуть ниже корабельной фок-мачты, бамбуковой вышке вспыхнул яркий, ослепительно белый луч.

Рохо с удивлением увидел трещины на фальшборте, чёрные точки на своих руках, заметил те подробности, которые не видел даже солнечным днём. Глянул на берег и обратил внимание, что средняя часть толпы расходится, образуя проход до самых деревьев. До башни, освещающей их лучше солнца, всего пара кабельтов...

– Что дальше, капитан?! – раздался недоуменный голос Скотча.

Ага, я для них уже капитан, самодовольно шепнул себе Генуэзец, и только потом задумался. А действительно, что дальше? И тут же понял – о них теперь знают, а значит, просто так не отпустят. Поэтому нужно разнести в щепки тот железный плотик, вон он в кабельтове от толпы. Затем картечью расстрелять всех, кто видел, как уходит Санта-Мария, чтобы рассказали остальным. А потом... Потом ост-норд-ост, и нестись со всей скоростью в сторону Европы, в Кастилию. Просить у короля с королевой пару галеонов, к ним пяток фрегатов. Возвращаться и выбить у проклятых голоногих всё золото, какое есть, а когда отдадут, обратить выживших в рабство.

– Вилли, заряжай, – в голос крикнул он и с удовлетворением отметил привычный звук оружейного портика. Старый пират понял его, кажется, ещё до того, как услышал команду.

Характерные звуки картуза, шомпола, забивающего ядро в ствол...

– Снеси эту башню, Вилли!

Одновременно с выстрелом из деревьев выскочили два странных дикаря. Они были в неприметной одинаковой одежде, такой пятнистой, что заметить их на фоне леса было почти невозможно. Один из них вынес странную миниатюрную пушечку с такими тонкими стенками ствола, что её разорвало бы почти ружейной навеской пороха.

Облако дыма скрыло действия глупых дикарей с их игрушечной пушкой, ядро, свистя кавернами в боках, улетело в сторону башни. Вилли попал. Отлично попал. Он лишь не ожидал, что пролёт ядра между бамбуковых стоек никакого вреда не принесёт. Но когда понял, что выстрел пропал зря... Таких ругательств Рохо не слышал никогда в жизни, а уж он покрутился между морями не один год.

– Рохо, я сейчас им картечью всажу, – наконец-то сказал что-то вразумительное Вилли.

В это время чуть слышно пукнула пушечка на берегу.

Лейтенант Ветка Дубов сразу проникся к непрошеным гостям недоверием. Знал он подобных людей, встречал раньше. Ну и что, что тогда они босиком прыгали по деревьям. А сейчас в высоких кожаных сапогах стоят на палубе. Натура одна и та же. Поэтому, когда врачи рассказывали об отсутствии агрессии со стороны гостей, он не позволял себе расслабляться. Вот и сейчас, лишь услышав о том, что Санта-Мария снялась с якоря, лейтенант прикинул дальнейшие действия захватчиков. И, похоже, не ошибся. Потому что вышел с миномётом как раз в нужное время и в нужное место.

– Рысь, заряжай, кинул он через плечо старому напарнику и начал расставлять сошки.

До корабля метров четыреста. Цель деревянная, защиты никакой. И это они называют кораблём. А нас, значит, дикарями, врачи много раз слышали. Эти придурки и не скрываются, считают, что тут никто испанского не знает.

В этот момент борт цели окутало дымом, и почти сразу же донёсся оглушительный выстрел. Медленно, чуть быстрее мины, пролетело в сторону берега ядро, мелькнуло между бамбуковых ног и, никого не задев, плюхнулось в песок. На месте противника он бы стрелял картечью. Ага, похоже, сейчас так они и сделают.

– Ветка, на! – это Рысь, уже, видать, надул мину водородом.

Так, теперь проверить пьезоэлемент детонатора, индикатор вспух, значит, не меньше десяти атмосфер. Этой ореховой скорлупе и пяти хватит, но не сдуть же. Приложиться ещё раз к целику для уверенности и аккуратно опустить мину...

Хлопок, сработал вышибной заряд, разгонный прогорел положенные пять секунд... Есть! Мина легла точно в тот самый оружейный портик. Тут же взрыватель во что-то ударился, открыл клапан, выпуская облако водорода, после чего выдал искру пьезоэлемент. Из всех отверстий борта и палубы вырвалось рыжее с редкой синевой пламя, вверх взвились две клубы чёрного дыма, корабль раздуло, будто он вспух. Чуть-чуть не развалились в стороны доски обшивки, но только лишь для того, чтобы сложиться внутрь, как тухлое яйцо в кипятке. Треск, грохот, над волнами поднялась туча водяной взвеси... Секунду назад в четырёх сотнях метров гордо реял приспущенным парусом нормальный корабль, и вот уже по воде плавают впережку доски, брёвна, мачты, целые и изуродованные тела.

– Цель поражена, – задумчиво доложил неизвестно кому Ветка, подхватил миномёт и неторопливо зашагал в сторону от берега. Рысь недоуменно поплёлся за ним. Вокруг замерли люди из сотрудников порта, медперсонала, просто местные жители, которые пришли поглазеть на чужой корабль. Лишь через десять шагов из толпы раздался недоуменный голос:

– Лейтенант, а обязательно было весь корабль...

Ветка зло обернулся. Опять гуманисты. Ну никак они не поймут, что враг не будет спрашивать, хочешь ли ты переродиться прямо сейчас. Ему нужно тебя убить. И даже дурацкое примитивное ядро, чудом никого не задевшее их нисколько не впечатляет.

– Когда они в вас стреляли, то не мучились сомнениями, не заденут ли кого непричастного, – сдерживая раздражение ответил он. – Они хотели вас убить. Тот, кто нападает, должен быть готов получить отпор.

– Правильно, лейтенант, не слушай её, – поддержал неизвестный мужской голос. – Когда нас чубичи резали, они не спрашивали, кто тут солдат, а кто рабочий. Врагу отпор нужно давать сразу. А ты, Лиана, не ворчи. Пойдём, я тебе всё объясню.

Постепенно стихающий голос исчез в нарождающемся гомоне толпы, а у Ветки Дубова сразу потеплело на душе. Его понимают. И действия его одобряют. А это самое главное, чтобы люди, ради которых ты готов идти на смерть, ценили и одобряли твои действия.

Глава 7

Идёмте, граф, нас ждут великие дела

Мелкая, ласковая волна плескалась чуть в стороне, настраивая на романтический лад. Разлапистые тропические деревья чуть слышно шелестели о чём-то своём, совершенно не замечая, что ветра в общем-то нет. Где-то вдали от берега время от времени плескалась неугомонная рыба, разрисовывая кругами спокойную гладь ночного моря, а в высоте ненавязчиво светили звёзды, любуясь собой в спокойных приливных волнах.

Слушая скрип влажного песка под сапогами, Христофор шёл чуть справа и сзади от девушки и думал, о чём же с ней поговорить. Будь это где-нибудь в Европе, не возникло бы никаких проблем. Поднял бы тему о самодурстве монархов, если разговор идёт с благородной барышней, о непослушных вассалах и ценах на зерно, из-за чего бедняжка не может подобрать себе приличные серёжки к диадеме. Если разговор шёл бы с простолюдинкой, то тут уже тираними и деспотами выступали бы её хозяева, а цены на хлеб не позволили бы купить ткани на штаны отцу, которые у него на работе ну просто горят. Или обсудили бы погоду. А здесь...

– Адмирал, вы любите какао? – нарушила тишину спутница.

– Как? Какао? А что это?

– Напиток. Его приготавливают из местных бобов. Очень тонизирует и поднимает настроение. Кроме того, это очень вкусно. Идёмте.

Она махнула рукой влево, они сделали пару шагов и оказались на деревянной площадке увенчанной одиноким столиком с тремя стульями. К неудовольствию адмирала за одним из них сидел дон Паоло. Он приветливо махнул подошедшим рукой и сказал по-английски:

– Замечательный вечер. Но он будет ещё лучше, если украсить его чашечкой горячего какао, уверяю вас.

Вот ведь пройдоха, произвольно подумал Колумб. С одной стороны, он был ничуть не против беседы с властителем здешних земель, но не сейчас же. Ведь только-только что-то начало с этой невероятной девушкой наклёвываться. Глядишь, и завёл бы ещё одну семью уже на этой стороне океана. Ан нет, сиди теперь, обсуждай... Хотя, по правде, есть, что. Одна железная лодка без вёсел и парусов чего стоит. Или та малюсенькая кулеврина, что с одного ядра оторвала зад целой каравелле. Да и вообще, в этой чудесной стране столько невероятного... Адмирал даже забыл про девушку, но та сама напомнила о себе.

– Адмирал, вы ограничьтесь фруктами к какао или хотите съесть чего-нибудь посущественнее?

– Не надо, Даша, – остановил её дон Паоло. – Я уверен, два мужчины за одним столом как-нибудь и сами разберутся, что будут есть.

Девушка ужом выскользнула из-за стола и в мгновение скрылась за густой зеленью. Адмирал печально посмотрел ей вслед.

– Не грустите, адмирал, – дон Паоло протянул ему стеклянный бокал с вином. – Ведь дома вас ждут два сына и любящая женщина. Это прекрасно.

Колумб даже вскочил со своего стула в сердцах. Он вытянул палец, указывая на собеседника, и воскликнул:

– Но откуда? Откуда вам всё это известно? Такое впечатление, что, переплыв океан, я попал прямо в ад, а вы и есть сам дьявол. Я вижу вас впервые, не знаю даже настоящим ли именем вы мне представились, а вы рассказываете такие подробности моей биографии, которые не знал никто на корабле.

– Успокойтесь, прошу вас, – дон Паоло миролюбиво поднял свой бокал, в котором плескалось ещё больше половины. – Уверю вас, я никоим образом не дьявол. Точно такой же человек, как и вы, из плоти и крови. Хотите, перекрещусь?

Христофор машинально кивнул, сделал глоток вина, но смотрел за манипуляциями собеседника очень внимательно. Тот показал пальцами обычный католический крест и даже молитвенно сложил руки перед собой.

– «Отче наш» читать не буду. Латыни не знаю, увы. Но вместо богословия предлагаю поговорить о вас, адмирал. Не скрою, вы единственный во всей экспедиции, кто мне интересен.

– Интересно, чем же? – язвительностью в голосе Колумба можно было мариновать мясо. – Есть Братья Пинсоны, которые намного богаче меня, есть, в конце концов, королевский нотаариус, чьи связи при дворе, уж поверьте, намного шире и надёжнее.

– Адмирал, я похож на человека, гонящегося за богатством?

Христофор задумался. Кроме как по внешнему виду, он иначе оценить собеседника не может. А о чём говорит внешний вид? При первой встрече дон Паоло явно руководил остальной группой. Сейчас милая девушка Даша целенаправленно привела Колумба сюда и удалилась по первому требованию этого странного человека. Одежда? Но в разных странах она настолько различается... Если в Исландии человек старается показать свой достаток, надевая как можно больше шкур, то в Генуе его бы сочли шутом. А шотландские килты вообще нигде больше не считаются приличной мужской одеждой.

Тут перед ним сидит человек, наряженный в чистые, новые и аккуратно сшитые вещи. По сезону, и сделанные явно для тропического пляжа. Очень удобная рубашка с коротким рукавом, прямые брюки, сандалии... Нет, на нищего он совершенно не похож. К тому же, стоит оценить стол, за который его посадили.

– Думаю, денег у вас достаточно, дон Паоло. Иначе вы бы давно были в Европе, продавали что-нибудь из местных деликатесов или ещё что-нибудь.

– Не совсем так, но в целом вы правы. Денег у меня хватает. И не только у меня.

Он сделал ещё один глоток и с хитрой улыбкой посмотрел на собеседника.

– Дело в том, что народ этого мира никогда не знал рабства. Здесь не было жадных правителей, старающихся закабалить как можно больше крестьян, не было цехов, ограничивающих доходы их рядовых членов. Не было лицемерных церковников, на словах, ратующих за нестяжательство и милосердие, а на деле карающих огнём любого, высказавшего не устраивающее их мнение.

– Да, с такими взглядами вам лучше не соваться в Европу. Папа тут же объявит вас исчезающим сатаны.

– Да мы в общем-то и не стремимся. Тысячи лет жили в изоляции и ничуть не страдали от отсутствия контактов с загнивающей Европой.

– Вы так ненавидите Европу, что сходу вешаете ей ярлык загнивающей?

Дон Паоло усмехнулся, явно вспомнив что-то своё. Потом молча встал, зашёл за куст. Какое-то время оттуда доносился неясный шум и доходили волны аромата жареного мяса. Вскоре гостеприимный хозяин вернулся, держа в руках пару тарелок.

– Попробуйте жаркое из местного аналога говядины – бизона. Уверен, ни один из лучших кастильских тореро не рискнул бы выйти с подобным быком один на один.

На тарелках истекали соком два увесистых куса, одним своим видом способные вызвать обильное слюноотделение. Рядом, политые густым, кроваво-красным соусом, возвышались горкой кусочки чего-то неизвестного, отдалённо напоминающего печёную репу. Пока адмирал примеривался к своей порции, размышляя, что из местных продуктов принесёт его организму меньше вреда, дон Паоло уже уверенно орудовал ножом и непривычно тонкой четырёхзубой вилкой с таким видом, будто перерывы между разговорами с Колумбом проводил по очереди за всеми королевскими столами Европы.

Христофор несмело отрезал блестящим, непривычно тупым, зато снабжённым мелкими зубчиками, ножом, кусочек говядины. Макнул в кровавый соус, сам не зная, зачем, осмотрел со всех сторон, и положил на язык... В меру острое, пахнет дымом неизвестного, но очень ароматного дерева, и настолько нежное, что просто тает на языке. Руки сами собой отрезали следующий кусок...

– Попробуйте жареной картошки, адмирал. В Европе её не знают, – учтиво подсказал хозяин гостю.

Картошка тоже оказалась выше всяких похвал. Ни с чем не сравнимый вкус, мягкая, и в то же время, хрустящая... Колумб настолько увлёкся ей, что чуть не забыл про мясо.

– К говядине полагается красное сухое вино, верно? – не столько спросил, сколько отвлёк от поглощения пищи дон Паоло.

Колумб молча кивнул, поднял стоящий слева бокал... Подумать только, снова стеклянный. И, надо отметить, великолепной работы. Стекло ровное, хоть смотри сквозь него, грани – одна к одной, ножка настолько тонкая, что кажется, не удержит вес налитого в чашу вина. Следует признать, стекло в этой стране выделывают ничуть не хуже, чем ткани, металл, и прочее. Да и здешние повара дадут фору любому европейскому. Куда же он попал? Неужели, это одна из тех неведомых, но возможных, стран, описанных фантазёром Птолемеем, чьё развитие настолько же опережает Европу, насколько Генуя превзошла дикарей Абиссинии? Или же они всё-таки дошли до края Земли и заживо попали в рай? А этот таинственный дон Паоло никто иной, как святой Павел, встречающий их на пороге вместо старины Петра? По-хорошему, следовало бы это узнать сразу, но... Сначала впечатления от местной, как они называют, медицины, волшебных устройств, которыми был наполнен дом, где его держали. Кстати, почему-то отдельно от команды. Потом эта чудесная, не похожая на европейек, девушка. Такая уверенность в себе, коей не обладали и королевы его мира, её ловкие, профессиональные, и в то же время очень нежные движения. И непривычно сильное, развитое, а от этого ещё более притягательное тело. Эти глубокие, как океан, глаза чайного цвета...

Адмирал с трудом очнулся от собственных фантазий и заставил себя вернуться к теме разговора. А о чём, кстати сказать, она была? Кажется, обсуждали вино. Дон Паоло давно уже налил оба кубка и теперь с еле заметной усмешкой ждал, подняв бокал. Колумб глянул в эти пронзительно синие глаза. Так кто же он такой? Может, просто спросить, куда он попал, какие планы на Санта-Марию и на самого Христофора у здешних правителей? Но... Опыт подсказывает, что вельможи подобного уровня вполне владеют искусством рассказать много ни о чём. Да и просто так кто же поделится планами, особенно, если они могут причинить спрашивающему вред.

– Не волнуйтесь, граф, в наших задумках нет ничего вредного для вас.

– Но...

– Нет. Я не читаю мысли.

Колумб почувствовал, как щёки заливаются красным. Он ведь именно так и подумал.

– Если вы планируете быть ближе к монаршим домам Европы, а особенно, если собираетесь иметь дело с папскими людьми, вам следует лучше следить за выражением лица. Все ваши идеи и желания легко читаются ваших глазах.

– И после этого вы говорите, что не дьявол, – выдохнул Христофор.

Хозяин поставил бокал и звонко рассмеялся.

– Просто я живу несколько дольше вас, и потому имею больший опыт общения. Тем более, у нас не принято мужчине выражать свои мысли и чувства на лице, так что привыкаешь видеть чуть заметные оттенки мимики.

Он внимательно глядел на адмирала, похоже, ожидая, когда тот успокоится. Но Христофор никак не мог прийти в себя под этим пронзительным взглядом. Наконец, мысленно повторив пару раз слова собеседника, и убедив себя, что всё это похоже на правду, Колумб поста-

рался унять пульс и дыхание. Он сделал большой, на полбокала, глоток, и, дождавшись, когда сердце совсем успокоится, спросил:

– А пригласили вы меня лишь для того, чтобы угостить местными блюдами? Или просто провести вечер?

– Ну что вы! Я как раз хотел продолжить с вами тему торговли. Помните, в тот вечер, когда все три ваших судна прибыли к острову Гуанакани, я предложил вам торговать?

– Лес? – чуть хрипло от волнения спросил Колумб. – Железо? Или стекло? А может, ваши чудесные лампы без огня?

Адмирал взволновался. Он никому и никогда не объяснял своих истинных целей. Вся Европа считала его чудаком, живущим мечтой о западном пути в Индию и Китай, желающим заработать деньги и титул таким необычным способом. Но никто и нигде не знал истинной причины...

– Думаю, мы с вами выберем подходящий товар позже, когда вы увидите всё, что наша промышленность может вам предложить.

– Ваша... что?

– Промышленность. В Европе мастера объединены в цеха, которые конкурируют между собой. Мы же сделали следующий шаг. У нас нет отдельных цехов, а есть общая промышленность, для которой трудятся все мастера страны.

– И не конкурируют?

Дон Паоло вновь рассмеялся своим задорным смехом.

– Как могут конкурировать сердце и печень? Руки и ноги? Они же все являются частью одного тела. Так и у нас. Один цех клепают те самые железные лодки, на которой мы вас встретили, другой моторы для них, третий аккумуляторы, четвёртый лампы. И так далее. А продукцию выдают все вместе.

– Но... – адмирал хотел спросить о нежелании одного сотрудничать с другими, но не смог сформулировать вопрос. К тому же заметил, что уводит разговор в сторону от основной темы, поэтому лишь махнул рукой.

– Давайте перейдём к главному, – дон Паоло вновь налил вина в опустевшие бокалы и поднял свой на уровень глаз, глядя на собеседника сквозь стекло. – Думаю, мы сможем помочь вам вернуть графство Дуглас.

Адмирал чуть не подавился. Он рыком поставил бокал на стол, ничуть не заботясь о его равновесии, закашлялся, неуклюже прикрывая рот ладонью, потом долго пытался отдышаться, глядя на хозяина стола выпученными, как у козла, глазами.

Всё это время дон Паоло с лёгкой, доброй улыбкой смотрел на гостя. Наконец, Колумб пришёл в себя, вновь взял в руку кубок с вином, и потребовал:

– Рассказывайте всё, что вы об этом знаете.

Дон Паоло развёл руками.

– Да, в общем-то, немного. Лишь то, что ваш отец, граф Уильям Дуглас, вызвал зависть короля Шотландии Якова Второго. Что поделать, годы регентства научили графа отлично управлять страной, создали необходимые для этого связи. Так что, когда король пришёл к власти, инструментов этой самой власти он не имел. О двадцати шести смертельных ранах, нанесённых вашему отцу на пиру, вы, я думаю, знаете не хуже меня. Этим и объясняется ваше требование к Изабелле Кастильской назвать вас шутовским титулом адмирала моря-океана, чтобы соответствовать деду, герою войны с Англией. А долю с денег, привезённых из открытых вами земель, вы затребовали, думаю, чтобы повторить Аркингольм, но уже с другим исходом. Война с королём – дело дорогое.

Адмирал сидел, повесив плечи, опустив голову. Казалось, из его спины вынули стержень, на котором держалось самолюбие. Он поднял к собеседнику бледное, дрожащее лицо и с вымученной улыбкой спросил:

– И вы ещё утверждаете, что не дьявол? Да во всей Европе об этом не знает ни один человек. Они до сих пор уверены, что я – пробившийся из самых низов сын генуэзского мастерового.

– Вашим таинственным «им» следовало бы лучше думать головой, – с улыбкой развёл руками дон Паоло. – Сыну сукновала невозможно получить имеющееся у вас образование, научиться естественно вести себя во всех слоях общества. Да и самые смелые их мечты, как правило, не простираются дальше собственного суконного цеха. Просто потому, что ничего другого они в жизни не видели.

В молчании выпили ещё по бокалу. Граф Дуглас пил, почти не отрываясь, чувствуя, как мягкие потоки вина успокаивают волны эмоций, плещущиеся в душе. Наконец, достаточно придя в себя, он задал мучающий его вопрос:

– Как я понимаю, вы не скажете, откуда всё это знаете?

Собеседник лишь развёл руками. Вместо ответа он отодвинул тарелку с почти не тронутым мясом и предложил:

– Так вам нужна помощь в возвращении графского титула и собственности?

Колумб уже достаточно пришёл в себя, чтобы с достоинством кивнуть, и спросить:

– Что вы хотите мне предложить?

– Всего лишь стать друг другу взаимовыгодными партнёрами.

– Я вас слушаю, – в голосе Колумба зазвучали нотки уверенности.

Дон Паоло разлил остаток вина по бокалам, с неожиданным сожалением покрутил перед лицом пустую бутылку, и вдруг, резко размахнувшись, зашвырнул её под тот самый куст, из-за которого выносил мясо. Поднял свой бокал и приглашающе повёл им в сторону гостя. Адмирал с готовностью повторил жест, стекло с тонким звоном сдвинулось. Христофору неожиданно понравился и сам обычай соединять кубки, и звук. Было в этом что-то от старинных шотландских обрядов братания.

Собеседник одним лихим глотком опорожнил свой бокал и гостю не осталось ничего иного, как повторить за хозяином. В голове слегка зашумело, правда уже через несколько секунд мысли пришли в порядок. Зато в теле возникла необычная лёгкость, захотелось подпрыгнуть, пробежаться, засмеяться неизвестно, чему...

– Съешьте кусочек мяса, граф, – дон Паоло по-свойски положил недоеденную говядину на тарелку собеседника. – Иначе серьёзной беседы не получится.

Глава 8

Бешенные псы

Ехать верхом на коне было куда удобнее, чем добираться в незнакомый город пешком. Хесуса даже приодели в такую одежду, о какой мальчик и мечтать раньше не мог. Короткие, чуть ниже колен, коричневые бархатные панталоны, фиолетовый приталенный камзол с чертовски неудобным воротником, который безжалостно стягивал горло, не давая нормально дышать. Но Wasiliy Luckich успокоил, сказав, что с непривычки это всегда так. На голову юноше водрузили чёрный широкий, свешивающийся почти до ушей, мягкий берет, а ноги обмотали тряпками, которые дон Совиньи назвал *опучи*, и засунули в красивые красные сапоги. Хесус сначала даже ходить боялся, чтобы не испачкать такую красоту о пыльную землю.

Под камзол вокруг живота мальчик по собственной инициативе навернул длинную полосу простой домотканой тряпицы, в которую завернул полученное серебро. После всех этих волшебных превращений получить в пользование настоящую верховую лошадь было даже как-то обычно, словно именно таким образом и должно было завершиться всё произошедшее. Правда, перед сменой одежды дон Совиньи загнал мальчика в баню. Нет, не сказать, чтобы Хесус никогда не мылся, он не такой, как остальные крестьяне, что боятся случайно смыть с тела попавшую невесть, когда святую воду. Что такое забраться в ручей с пучком травы и песочком, мальчик знал сызмальства. Отец и сам регулярно принимал непопулярные в селе водные процедуры, и всю семью приучил. Сначала соседи косились на них, некоторые даже открыто называли хриstopротивниками, но, когда через селение дважды прокатилась волна чумы, оба раза не затронув дом Совендо, ворчать стало некому. Тем более, что и мессы все они исправно посещали, и кропление святой водой не наносило никому вреда. Даже отряды Божьих псов, что не реже, чем раз в полгода, заглядывали в обезлюдевшее село, не нашли, к чему придраться.

Но несмотря на это, баня оставила в душе мальчика неизгладимое впечатление. Жара такая, что хоть сиесту устраивай, как в богатых домах. За несколько минут, проведённых в парилке, через кожу вышло столько воды, сколько Хесус, кажется, не выпил за всю жизнь. А потом с разбега в обжигающе холодный после жары Гвадалквивир. И мгновенно изменилось отношение к бане. Теперь мальчик точно знал, что на ручье рядом с отцовской мельницей будет стоять и его маленькая парилка. Потому что, выйдя из воды, он захотел ещё раз ощутить это пьянящее чувство небывалой лёгкости, чистоты до скрипа кожи, способности дышать всем телом, а не только носом, запах можжевельника, мгновенно вычищающий из головы грустные мысли...

– Хесус!

Вот незадача, опять он замечтался, и его кобыла по имени *Durynda*, едва переставляла ноги, далеко отстав от лоснящегося от собственной гордости жеребца дона Совиньи. Мальчик непроизвольно поправил под камзолом немного натирающий самодельный пояс с серебром и ударил лошадку пятками по бокам, стараясь, впрочем, не сильно попортить фасонистые красные сапоги.

До Севильи добрались быстро, Хесус едва успел привыкнуть к норову незнакомой лошади. Да и само ощущение красивой, богатой одежды, крестьяне, услужливо уступающие дорогу двум благородным донам... Ну, это они так думали, что благородным. Никто же из них не догадывался, что ещё вчера на этой самой дороге один из двоих «благородных» ночевал в кустах, а потом плёлся пешком, мечтая, чтобы кто-нибудь из этих, суетливо отводящих на обочину неказистые, доверху гружёные повозки, подвёз его, потому что ноги устали.

Даже попавшиеся на пути Псы Божьи, и те, смирив свою гордость, отошли на край дороги и стояли, перебирая чётки. А ведь обычно, когда всадники в рясах проходили через село, крестьяне прятались по домам, а те, кто не успел, спешили склониться до самой земли, пряча лица. А после, когда опасность миновала, размахисто крестились, от души благодаря господу за спасение.

Севиля встретила всадников воню, неизменными толпами на улицах, улыбающимися лицами приказчиков возле магазинов и трактиров. У одного из них, с названием «Святой Франциск», дон Совиньи и слез со своего коня.

– Давай-ка перекусим, – не то предложил, не то приказал он мальчику.

Хесусу было до боли жалко тратить только что полученное серебро, он ничуть не хуже поел бы и дома, но деваться было некуда. Не скажешь ведь «нет» человеку, который мало того, что снабдил их семью деньгами, так ещё и одел его как господина, усадил на лошадь, а теперь сопровождает. Нет уж, за такое не жалко отдать целый серебряник, а то и, если задуть собственную скудость, даже два.

В трактире пахло не столько едой, сколько немытыми телами посетителей. Большой, раза в три больше всей их избы, зал был забит едящими и пьющими людьми. Многие были одеты ничуть не хуже, чем сам Хесус. У мальчика разбегались глаза, он не знал, куда смотреть в первую очередь. Всё было интересно – и широкие, у них бы такой не поместился, столы, и лавки, на которых сидело по шесть человек зараз, и девушки в рубашках с голыми по плечи руками, без страха мелькающие между посетителями с подносами в руках. И как только не роняют? Там ведь каждый раз по полному кувшину, а к нему ещё и три-четыре глиняные миски с едой.

– Хесус! – раздался громогласный зов дон Совиньи.

Оказывается, его спутник уже нашёл свободный стол, а может ему его специально освободили. Вон, стоит перед ним какой-то толстяк в сером тканом фартуке, вытирает руки полотенцем и смотрит чуть ли не в рот. Мальчик подошёл и аккуратно, стараясь не испачкать новенькие, ещё даже не совсем обмявшиеся, панталоны, опустил на лавку. Касаться чего-либо не хотелось. Тело ещё помнило ощущение абсолютной чистоты после бани, пахло душистыми травами и свежестью. А вот организмы тех, что толпились вокруг их стола чистотой не отличались. Кожа у каждого лоснится то ли от пота, то ли от жира, а то и от всего вместе. Одежда насквозь пропахла грязью, мочой, ещё чем-то неприятным. Даже руки девушки, что принесла ему огромный кусок мяса на тарелке, были в чёрных пятнах и с неровно обгрызенными ногтями. На фоне остальных аккуратный, чистый, причёсанный и розовощёкий дон Совиньи выглядел гостем из чудесной страны.

Мальчик ткнул неровной двузубой вилкой в кусок говядины в глиняной миске. Здоровенный какой. Они в семье, конечно, ели мясо, но только осенью, когда забивали скот. И то, больше половины приходилось отдавать за аренду земли и церковную десятину. Так что пару недель в леднике ещё лежала свежатинка, которую делили на четверых, по кусочку, ну вот прямо с два пальчика. А потом приходилось переходить на сало, копчёную колбасу, а ближе к весне вообще оставалась одна крупа. Спасибо курам, что добросовестно несли яйца круглый год.

– Хесус! Ты о чём всё время думаешь? Или есть не хочешь?

– А? Нет, хочу, конечно, дон Сови... то есть, Wasiliy Luckich.

– Так ешь, не отвлекайся, а то так мы и до темноты не доедем.

Доехали, успели. А самое главное, мальчик не потратил ни одного серебряного реала. За всё заплатил его щедрый попутчик. Солнце как раз садилось, когда вдали показались крыши родного села. Хесус непроизвольно шаркнул пятками по бокам лошади, и та, прекрасно поняв всадника, прибавила шаг. Против солнца видно было плохо, и мальчик никак не мог показать

своему спутнику их дом. Когда, наконец, слепящий диск скрылся за горизонтом, на фоне темнеющего неба запылало новое свечение.

Сначала Хесус не мог понять, что это горит, но, когда разобрался... Мальчик изо всех сил шарахнул кобылу пятками, ничуть не заботясь о чистоте сапог, и совсем уже было рванул к горящему дому, но дон Совиньи успел ухватить его лошадь под уздцы.

– Стой, дурак! – зло прикрикнул он. – Иначе и ты пропадёшь. Не видишь, кто там бесчинствует?

Наверное, слово «бесчинство» в этом случае грешно было употреблять, потому что придерживали подпёртую поленом дверь, а также совали горящие факелы под соломенную крышу пятеро монахов. Одетые в серые от пыли, покрытые многочисленными заплатами, рясы, они о чём-то тихо переговаривались. А вокруг избы, создавая круг охранения, стояли ещё пятеро. В латах, вооружённые окованными медью дубинами. А уже за этим кругом, прямо на дорожке, устремив невидящий взгляд в небо и раскинув руки, неподвижно лежала мама...

Видно стало очень плохо, к тому же зачесался нос, его безумно захотелось натереть докрасна. Мальчик всхлипнул, провёл чистым дорогим рукавом по лицу, не замечая серой от пыли и слёз полосы на ткани. Как же он сейчас жалел, что не выпросил у дна Совиньи всё-таки меч, как у того рыцаря. А с голыми руками кидаться в бой. И всё равно, на месте не сиделось. Хесус выдернул из рук спутника недоуздок, но...

Тлеющая солома на крыше взвилась в небо, и на коньке дома показался отец. В руке его был тот самый вожделенный меч. Мальчик и не предполагал, что у них в доме может быть такое оружие. Хуан, несмотря на отсутствие ноги, ловко спрыгнул на землю, но сразу же оказался окружён латниками с дубинами.

Что происходило в зоне битвы, Хесус не видел, но два чужих воина по очереди опустились на землю. И тут же сорвался с места его спутник.

– Derzhis' Ivan Stepanych! – шумно прокричал он боевой клич.

Но было уже поздно. Отца повалили, дубинки замелькали, ломая кости. Когда дон Совиньи срубил три оставшиеся головы, Хесус уже подъехал, чтобы успеть к казни оставшихся четырёх инквизиторов. Даже дал одному пинка, не слезая с лошади. И только потом подбежал к отцу.

Дон Совиньи был уже там и о чём-то тихо говорил с лежащим в пыли, окровавленным Хуаном Совендо. Мальчика он даже близко не подпустил. Только позже, когда закрыл глаза мертвецу, снял сначала свой необычный головной убор, а потом Хесуса с седла, прижал мальчика к себе, и тут молодой человек разглядел на ресницах взрослого, сильного и уважаемого человека, слёзы. Wasiliy Luckich покрутил сироту перед собой, держа за плечи, строго посмотрел ему в глаза, несмотря на то, что взгляд был мокрый как у одного, так и у другого, и пробормотал:

– Вот и потеряли мы с тобой, ты семью, а я старого друга. Осиротели.

Глава 9

Cum spiritum Tuum...

– Хек, хек, хек... – Хесус упорно отмахивался палкой, держа её в правой руке.

Очень хотелось ухватить эту дубину обеими руками, и начать отбиваться, как в селе от собак, но нельзя – сейчас он не дерётся, а учится фехтованию. Молодой человек разглядел очередной выпад в самом его начале, как учили, подался чуть вправо и вперёд, одновременно отводя клинок противника левее, и нанёс удар по боку. Точнее, хотел нанести. Василия Лукича в том месте уже не было, а его учебный меч нёсся снизу прямо по... Нет!!!

Хесус ударил палкой, пытаясь заблокировать, но учитель снова сделал этот хитрый финт, обернул свой учебный клинок вокруг деревяшки мальчишки... миг, и дубинка уже летит в сторону, а Хесус стоит растерянный и безоружный. Что делать?

Ученик, недолго думая, кинулся в ноги учителя, и вот уже с криканьем принимает на себя тяжёлое падающее тело. Фу-ух...

– Молодец, – вставая, похлопал его по плечу дон Совиньи. – Главное, не сдавайся. Тогда можно из любой ситуации найти выход.

Дон Совиньи, а на самом деле Василий Лукич Свиный, рывком стянул с плеч потную рубашку, протёр ей бок с явственно видимым синяком, и направился в баню. Хесус Совендо, а, как оказалось, Иисус Совенко, задумчиво смотрел ему вслед.

Вот уже второй месяц, как этот удивительный человек приютил мальчика. Кормит его, одел в одежду благородных, а главное, учит владеть мечом. Даже сейчас, на площадке патио, или как говорит сам Василий Лукич, «на базú», кроме деревянного учебного меча, на боку обязательно висит боевой, знаменитой толедской стали. Мальчик до сих пор, хотя тому давно миновал месяц, время от времени вытаскивает клинок из ножен, конечно, когда никто не видит, и с удивлением и восторгом его рассматривает.

– Эй, малой! – раздаётся зычный весёлый голос учителя и в удивлённо поднятое лицо врежется метко брошенное мокрое полотенце. – Хватит мечтать, иди мыться. Воняешь, как курьерский жеребец.

Хесус, оказывается, всё это время бездумно поглаживал ножны. Он вострепнулся, повесил полотенце на плечо, прямо поверх пропотевшей насквозь рубахи, и двинул в угол база, где валялся выбитый учителем деревянный меч.

Учителем...

Ещё год назад мальчик и мечтать о подобном не мог. А когда увидел убитых инквизиторами отца и мать, сожжённый дом, то долгое время вообще не представлял, как будет жить дальше. Даже была мысль уйти в монастырь Святого Ангела, к тому смешному мальчишке, что проводил его к дону Совиньи. Но там как раз и жили люди в рясах – главные виновники смерти родителей. Хесус чуть не впал в панику, но замер, когда почувствовал на плече твёрдую руку Василия Лукича.

– Я всё понимаю, мальчик, – успокаивающе сказал он. – И не оставляю сына моего друга. Поехали.

С этого момента у Хесуса началась совсем другая жизнь. Каждое утро опекун будил его на рассвете, они совершали долгий, почти на час, забег, а потом дон Совиньи до изнеможения гонял своего подопечного с учебным мечом, с тяжёлыми камнями на плечах, да и просто. Как оказалось, его мучитель знал множество упражнений, служащих лишь для одной цели – довести Хесуса до полного изнеможения. К концу занятий ученик ненавидел Василия Лукича, весь окружающий мир... Даже себя. В особенности себя, потому что, как оказалось, его опекун

легко выполнял самые сложные и тяжёлые упражнения, те, что вызывали у ученика панику вперемежку с отвращением. Да ещё и пояснял попутно, не боясь сбить дыхание:

– Твой отец попросил приглядеть за тобой, подготовить к жизни. А я сам Ивану Степановичу животом обязан. Посему сделаю из тебя настоящего мужчину.

И делал. После физических издевательств, итогом которых была неизменная баня, приходил учитель словесности и вытворял с головой бедного школяра то, что утром дон Совины делал с телом. Мальчик писал десятки литер, иногда целый лист за урок исписывал. Пифагорово землемерие, арифметика, небознание, шахматы, управление... И всё это следовало заносить на специальные листы. А безжалостный учитель, приглашённый выкрест Мельхиор Танжерский, взявший после крещения имя Мэлхор, требовал, чтобы каждая литера равнялась остальным по размеру, округлости. А сам текст при этом надо было описывать высоким слогом, каким Хесус в жизни не высказывался, тем более, что и сам учитель говорил простым, понятным языком.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.